

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»

Филологический факультет

Кафедра истории зарубежных литератур

Зозуля Наталья Михайловна

Проблемы «массы» и «власти» в романе Э. Канетти «Ослепление»

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор

Л.Н. Полубояринова

Рецензент:

д. ф. н., профессор

Т.А. Федяева

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение

Глава 1. Репрезентация феномена массы в романе Канетти «Ослепление»	9
1.1. Экскурс в историю изучения феномена массы	9
1.2. Интерпретация феномена массы в эссе Канетти «Масса и власть» и в романе «Ослепление»	19
Глава 2. Репрезентация феномена власти в романе Канетти «Ослепление»	41
2.1. Экскурс в историю изучения феномена власти	41
2.2. Власть в трактовке автора романа «Ослепление» и теоретического труда «Масса и власть» Канетти	5
2.3. Интерпретация феномена власти в романе Канетти «Ослепление»	57
Заключение	79
Список использованной литературы	83

Введение

Элиас Канетти (Elias Canetti, 1905-1994) – выдающийся австрийский прозаик, драматург и теоретик культуры, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981 г.). Литературное наследие Канетти включает в себя три пьесы («Свадьба» («Die Hochzeit»), 1932; «Комедия тщеславия» («Die Komödie der Eitelkeit»), 1933-34; «Ограниченные сроком» («Die Befristeten»), 1952), роман «Ослепление» («Die Blendung», 1935), теоретико-философский труд «Масса и власть» («Masse und Macht», 1962), а также автобиографии и произведения эссеистического и мемуарного жанров. На протяжении всей своей жизни Канетти занимался изучением вопросов власти, массы, смерти, что нашло отражение в его художественных и философских произведениях. Теоретическое обоснование своих взглядов относительно феноменов «массы» и «власти» австрийский теоретик культуры выразил в своем эссе «Масса и власть», ставшем результатом долгих лет раздумий и наблюдений над вечными категориями существования социума. Еще в юности столкнувшись с таким явлением, как масса, во время протестов по поводу убийства министра иностранных дел Германии В. Ратенау, Канетти и впоследствии не перестает интересоваться силой влияния на человека массы и сопряженной с ней властью. Так, в единственном романе Канетти, написанном тридцатью годами ранее, можно увидеть зачатки тех мыслей, которые затем писатель оформит в своем теоретико-философском труде.

Работа посвящена изучению проблематики «массы» и «власти», как они представлены в романе Канетти «Ослепление».

Новизна данного исследования определяется недостаточной изученностью признаков «массы» и «власти» в художественных произведениях австрийского писателя, а именно в романе «Ослепление», представляющем собой одно из самых ярких и загадочных произведений XX века в целом и творчества Канетти в частности.

Актуальность данного исследования определяется тем обстоятельством, что изучение проблемы репрезентации массы и власти в художественном повествовательном произведении позволит не только углубить понимание ряда важных аспектов творчества Канетти как писателя и философа, но также внести вклад в исследование культуры немецкоязычных стран в довоенный период XX века, когда вопросы власти и массы представляли собой реальный интерес не только для ученых, но и, возможно, в первую очередь для населения многих европейских стран.

Несомненно, феномены массы и власти занимают философов, социологов, культурологов, политологов на протяжении многих веков, так как являются актуальными в любой период времени. Так, изучение проблем власти берет свое начало еще с античных времен, когда Фукидид в «Истории Пелопонесской войны» пишет о «ненасытности» власти и необходимости подчинения менее значительного, согласно иерархии обладания властью, - более высокому, властному. Наиболее весомыми в истории изучения феномена власти являются выводы, сделанные Ф. Ницше («Воля к власти»/ «Die Wille zur Macht», 1906), М. Вебером («Экономика и общество»/ «Wirtschaft und Gesellschaft», 1922), Х. Арендт («Ситуация человека»/ «The Human Condition», 1958), М. Фуко («Надзирать и наказывать»/ «Surveiller et punir: Naissance de la Prison», 1975) и Г. Попитцом («Феномены власти»/ «Phänomene der Macht», 1986). Возникновение особого интереса к феномену массы как социологическому понятию относится к XIX веку, когда начинает зарождаться такая наука, как социология. Однако известно, что, помимо социологов, масса находилась в центре внимания также известных психологов, таких, как Г. Лебон («Психология народов и масс»/ «Psychologie des foules», 1895) и З. Фрейд («Психология масс и анализ человеческого Я»/ «Massenpsychologie und Ich-Analyse», 1921). И в наши дни изучение феноменов массы и власти продолжает занимать умы многих ученых. Так, к примеру, в зарубежной социологии и философии имеется ряд работ, посвященных именно канеттиевскому пониманию массы и власти (Дж. Паттило-Хесс, П. Ангелова, Д. Барноув и т.д.), их взаимодействию, а также сравнению

точек зрения Канетти и предшествовавших ему исследователей данных феноменов. Помимо этого, ведется активная работа отечественных ученых по анализу и интерпретации феноменов массы и власти в российской культуре (Н.С. Буртасова, Е.С. Валевиц, А.Н. Ильин, Е.В. Староверова и т.д.). Однако в большинстве случаев изучение явлений массы и власти в трактовке Канетти основывается, прежде всего, на его социологическом труде «Масса и власть», а также на автобиографических и эссеистических заметках.

В данном исследовании будет предпринята попытка дистиллировать признаки массы и власти в раннем художественном произведении австрийского писателя, основываясь не только на умозаключениях Канетти по поводу данных социологических явлений, но также и на теориях других известных философов, социологов и психологов. Таким образом, актуальность данного исследования заключается, помимо всего прочего, в попытке соединения различных наук – литературоведения, социологии и философии – для изучения обозначенной проблемы.

Творчеству Канетти в целом и роману «Ослепление» в частности посвящена обширная научно-исследовательская литература. Так, в зарубежном литературоведении изучение проблематики романа «Ослепление» начинается примерно с 1970-х гг., когда известный немецкий литературовед Д. Диссингер публикует одну из первых интерпретаций романа [24]. Диссингер пытается определить место и значение романа в творчестве Канетти, а также рассмотреть историю рецепции произведений австрийского писателя на примере романа «Ослепление». Ряд работ исследователей творчества Канетти посвящены рассмотрению романа как иллюстрации эпохи, стоящей на пороге войны, и картины общества, потерявшего способность чувствовать, сопереживать и любить. Так, немецкий исследователь Г. Буш после прочтения романа делает вывод о «заболевании эпохи» [18], а Э. Гёбель называет «Ослепление» кукольным театром, в котором персонажи, потеряв всё человеческое, забыли, что всё действие является лишь игрой [33]. Помимо этого, некоторыми зарубежными и

отечественными учеными подчеркивается важность китайских мотивов для творчества Канетти и его романа «Ослепление» в частности [47], [95].

Несомненно, исследователями творчества Канетти и его романа «Ослепление» отмечается важность аспектов массы и власти для изучения поэтики произведения (к примеру, в работах Н.С. Павловой, К. Зига и т.д.). Однако большинство из них рассматривает какой-то отдельный аспект вне его связи с другим. Так, например, Н.С. Павлова говорит о признаках массы в персонажах романа «Ослепление», а Чан Яу-Чин подвергает анализу стремление к власти двух братьев, главных героев романа. В свою очередь, Т.А.Федяева в своей работе «Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа» [90] раскрывает функцию карнавального хронотопа и карнавальной логики оборачивания в «Ослеплении», распространяющейся, в том числе, и на конструирование/деконструирование властных отношений в контексте системы персонажей.

Важно отметить, что тема власти и властных отношений в романе рассматривается учеными более подробно. Так, к примеру, немецкая исследовательница Ю. Пааль [49], помимо характеристики основных персонажей романа, говорит о распределении субстанций власти и насилия между героями произведения.

Масштабную работу по выявлению признаков массы и/или власти в художественных произведениях Канетти предпринимает немецкий литературовед Ш. Штрукен [73], однако наиболее значительную часть его труда занимает раскрытие проблематики лишь одного из данных двух аспектов, а именно – массы в романе «Ослепление» и трёх пьесах Канетти, основываясь на его эссе «Масса и власть» и теориях других известных ученых. Таким образом, попыток последовательного соотнесения проблематики власти в сочетании с феноменом массы с текстом романа пока не предпринималось.

Объектом исследования в данной диссертации является роман Канетти «Ослепление».

Предметом исследования выступают феномены массы и власти в романе.

Целью диссертационного исследования является идентификация в романе Канетти «Ослепление» признаков массы и власти и их соотношения друг с другом.

В соответствии с данной целью были поставлены следующие основные **задачи** исследования:

1. Выявить ключевые аспекты массы и власти в трактовке Канетти, представленные им в его труде «Масса и власть»;
2. Изучить литературу, касающуюся творчества Канетти, и в особенности работы, содержащие анализ и интерпретацию феноменов массы и власти в произведениях австрийского прозаика и драматурга;
3. Исследовать основные теории известных философов и социологов, занимающихся проблемами массы и власти;
4. На основе проделанной исследовательской работы обнаружить в романе «Ослепление» признаки массы и власти и предпринять попытку их соотнесения друг с другом.

Методологической и теоретической базой исследования послужили научные издания, авторефераты и статьи отечественных и зарубежных авторов. В ходе исследования применялись следующие научные **методы**: элементы дискурсивной критики, литературоведческой антропологии и феноменологии, а также интердискурсивный подход.

При рассмотрении проблематики массы и власти в романе Канетти «Ослепление» были использованы работы таких отечественных и зарубежных ученых, как Н.С. Павлова, Т.А. Федяева, А.В. Белобратов, Э.А. Радаева, Ш. Штрукен, Д. Диссингер, Ю. Пааль, П. Ангелова, Д. Робертс и т.д.

Представленное диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Первая глава посвящена рассмотрению и анализу феномена массы, который представляет собой основу для применения власти и выстраивания властных отношений. Во второй главе представлена интерпретация феномена власти в романе «Ослепление», в рамках которой субстанция власти в большинстве случаев с неизбежностью оказывается

увязанной с формированием массы и массового сознания и управлением ими, что в конечном итоге указывает на сопряжение того и другого феномена.

Глава 1. Репрезентация феномена массы в романе Канетти «Ослепление»

1.1. Экскурс в историю изучения феномена массы

В настоящее время научный термин «масса» одинаково часто используется как в технических, так и в гуманитарных науках, а именно: в физике, социологии, политологии и т.д. Само по себе слово «масса» имеет множество различных значений. Обращаясь к толковому словарю Ожегова [89], в первую очередь находим физический термин «масса», «определяющий инертные и гравитационные свойства материи». Иными словами, физический термин «масса» учитывает вес тела и ту силу, которую следует приложить, чтобы привести его в движение. Именно такое научное значение слова «масса» было наиболее употребительным и широко известным на протяжении долгого периода времени.

Кроме того, при помощи слова «масса» обозначают нечто бесформенное, большое количество, совокупность чего-либо и, наконец, широкие слои населения. Примечательно, что в словаре Ожегова под «массой» принято понимать не просто некое неопределенное количество населения, а «широкие слои трудящихся масс», что отсылает нас к частому использованию данного термина в идеологии коммунизма (пролетарская масса, масса трудящихся и т.д.).

Помимо аналогичных значений, представленных в толковом словаре русского языка, немецкий словарь DUDEN [25] предлагает дополнительные коннотации слова «die Masse» при обозначении большого количества людей:

- 1) масса – весома́я часть населения, в которой, прежде всего, учитывается отсутствие индивидуальных и самостоятельных мыслей и поступков (отриц. знач.)
- 2) масса – подавляемая доля населения, которая стремится к эмансипации и в связи с этим выражает активную общественно-политическую позицию, чаще всего революционным способом (в марксистской идеологии).

Таким образом, очевидно, что слово «die Masse» в немецком языке имеет, прежде всего, отрицательную коннотацию.

Важно отметить, что термин «масса» в качестве социологического понятия стал активно использоваться начиная со второй половины XIX века, в то время, когда происходило зарождение нового вида гуманитарных наук – социологии. Французский философ О. Конт, считающийся основателем социологии, первым стал говорить о массе как о «физически необозримой совокупности людей» [82, с. 79], противопоставляя её тем самым использовавшемуся ранее термину «толпа», подразумевавшему совокупность людей, стихийно возникшую в определенном месте и находящуюся в нем «здесь и сейчас».

Согласно утверждениям некоторых исследователей (к примеру, Х. Ортега-и-Гассета [48]), понятия «масса» и «толпа» не являются абсолютными синонимами, и их следует различать. Так, к примеру, культуролог и искусствовед М. Найдорф считает, что толпа представляет собой простейшую форму организации людей, «объединённую солидарностью своих членов относительно цели и единообразием в способе деятельности» [84], в то время как масса является более организованным и управляемым скоплением людей. Также и англо-американский психолог У. Мак-Дугалл [41] указывает на то обстоятельство, что масса без организации является толпой, у которой, впрочем, как подчеркивает ученый, нет цели и стремления к сплочению. Важным фактором единения массы, по его мнению, является общность индивидов друг с другом и, наряду с этим, также наличие организационного начала.

Подтверждая свою мысль примерами, Найдорф называет зрителей в зале или на стадионе, за каждым из которых закреплено определенное место, – массой, а зрителей, покидающих зал или стадион и превратившихся в беспорядочную и неуправляемую группу людей, – толпой. Иными словами, толпа по сравнению с массой представляет собой нечто бесформенное.

В произведении Канетти «Ослепление» такого рода толпу мы можем наблюдать в забегаловке «У идеального неба», куда попадает Петер Кин во второй части романа. Для Кина гости и служащие забегаловки сливаются в

бесформенную и неопределенную массу, в огромный и неуправляемый организм, состоящий из множества рук «самой разной величины и тяжести», кулаков, которые «кучами лежали на столе», ангельских, девичьих, жалобных голосов [6, с. 239].

Поскольку Канетти не различает понятия «толпа» и «масса» и использует в своей работе термин «Masse» для характеристики любой формы организации большого количества людей, нам представляется возможным пользоваться термином «масса» при анализе романа Канетти «Ослепление», имея в виду как более, так и менее организованные массы, массы, имеющие предводителя или действующие согласно своим собственным установкам, массы, возникающие спонтанно или по предварительной договоренности и т.д.

Для идентификации признаков массы в романе «Ослепление», прежде всего, важно учитывать критерии самого Канетти, изложенные им в эссе «Масса и власть», однако, кроме того, следует обратиться к работам некоторых предшественников и современников австрийского писателя, которые внесли вклад в изучение поведения и психологии масс и, несомненно, могли иметь влияние на Канетти.

Одним из таких исследователей является австрийский психолог З. Фрейд, который в своей работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (*Massenpsychologie und Ich-Analyse*, 1921) уделяет внимание поведению отдельного индивида, оказавшегося в массе. Так, приступая к анализу феномена массы, Фрейд отмечает тот момент, что социальная психология, которая занимается исследованием массы, и индивидуальная психология, задачей которой является наблюдение над отдельным индивидом, не столь резко отличаются друг от друга, как можно предполагать [32, S. 2]. При анализе поведения отдельного человека в большинстве случаев важно учитывать и его взаимоотношения с другими людьми. Так, к примеру, закрытый и молчаливый в начале книги Петер Кин, оказавшись выброшенным на улицу из своего собственного дома во второй части романа, вскоре находит, как ему кажется, соратника по духу Фишерле, доверяет ему свои тайны и подробно рассказывает о своей жизни. Конечно, нельзя

сравнивать влияние одного человека с влиянием массы, однако в данном случае такое сравнение является правомерным, что будет рассмотрено позже.

Кроме того, у каждого индивида возникает социальное влечение, которое необязательно подразумевает общение с большим количеством людей, для удовлетворения социального влечения бывает достаточно, к примеру, только семьи. Так или иначе, очевидно, что индивид, находящийся в одиночестве или даже в окружении небольшого количества человек, в массе будет вести себя абсолютно по-другому. Именно эти изменения в поведении индивида, являющегося членом массы, важны для Фрейда и многих других ученых, исследующих данное явление. К примеру, Г. Лебон в своей работе «Психология народов и масс» («Psychologie des foules», 1895) говорит о «коллективной душе», носители которой чувствуют непреодолимую силу и единство, находясь вместе [83, с. 156-185]. Фрейд же интересуется, какое связующее звено объединяет одного индивида с другими, что позволяет людям, находясь в массе, чувствовать силу, о которой говорит Лебон.

Исследуя массу, Лебон приходит к выводу, что в ней стираются все индивидуальные достижения, вследствие чего каждый член массы оказывается равным другим её членам. Масса становится гомогенной, и в этом заключается её сила – в ощущении единства с другими членами массы. Данное утверждение напоминает определение массы из немецкого словаря DUDEN, приведенное выше. Оказавшись в массе, человек теряет способность мыслить и действовать самостоятельно и даже намеренно стремится стать таким, как все. В романе «Ослепление» это качество индивида показано довольно буквально на примере карлика Фишерле. Наделенный огромным горбом, отличающим его от всех остальных людей, карлик мечтает, что когда-нибудь он избавится от своего недостатка, и в газете появится фотография известного шахматиста Фишера (даже свою фамилию он сделает наиболее приближенной «к стандарту») без горба [6, с. 250-253]. Однако жизнь карлика прерывается внезапной и жестокой смертью. Впрочем, изоляция Фишерле все же заканчивается [24, S. 159]: ему отрезают горб и тем самым возвращают к массе.

Фрейд согласен с мнением Лебона о равенстве всех членов массы, однако для него не важны новые качества, которые проявляются в поведении людей, находящихся в массе. Он считает, что все эти качества являются лишь проявлением того, что каждый человек, попадающий в массу и переживающий единение с ней, перестает следить за вытеснением бессознательного [32, S. 4]. Таким образом, по Фрейду, то, что раньше индивид запрещал себе, исходя из собственных или установленных в обществе моральных ценностей, в массе он перестает себе запрещать, если, к примеру, другие члены массы демонстративно совершают то, что раньше было под запретом. Данный ход мысли подтверждает мнение Лебона о гипнотическом эффекте, возникающем в массе. Каждый индивид в большей или меньшей степени обладает способностью к восприимчивости и подвержен внушению. В массе же градус восприимчивости достигает максимальной отметки, вследствие чего человек заражается от толпы её действиями, словами и поступками.

Кроме того, Лебон считает, что в массе исчезает чувство ответственности, так как индивид, являющийся членом массы, перестает отвечать за свои действия, во многом повторяя за другими членами массы [83, с. 159]. В свою очередь, если каждый перестает отвечать за свои собственные поступки и думать, прежде всего, о себе самом, то и личная выгода, являющаяся движущей силой для отдельного индивида, в массе уходит на последний план. Можно предположить, что человек в массе становится менее эгоистичным, представляя исключительно интересы массы. Канетти же в своем эссе упоминает также о различных видах разрушения массы, внешних и внутренних. В качестве внутреннего разрушителя массы выступает паника [5, S. 24-26], при которой, по мнению Канетти, масса становится гетерогенной и каждый её член начинает думать о своем собственном спасении. Приняв во внимание эти точки зрения, представляется возможным сделать вывод, что человек, ранее ставивший интересы массы выше своих собственных, в критических ситуациях думает всё же, прежде всего, о себе самом.

Поскольку в массе сильна жажда повиновения, присутствие организационного начала является для нее в большинстве случаев неотъемлемым фактором существования. Так, Лебон и Фрейд подчеркивают важность наличия вождя для массы, который обеспечит её абсолютное единение. Масса верит своему предводителю (Лебон подчеркивает также магическую силу слова для массы [83, с. 189]) и полностью ему подчиняется. Для массы, всецело верящей своему вождю, не важны поиски истины, так как у человека в массе снижается способность к построению умозаключений и выражению своего собственного мнения. Масса равна, едина и хочет повиноваться своему предводителю. Именно поэтому для него, в свою очередь, крайне важно верить в идею, чтобы добиться полного подчинения массы. Из этого следует, что идея и вождь представляют собой таинственную силу, которую Лебон называет престижем (обаянием). Впрочем, Канетти, не раз являвшийся свидетелем внезапного и стремительного образования массы, считает, что она «не нуждается в вожде, чтобы сформироваться, вопреки всем предшествующим теориям» [3, S. 237].

Важно также отметить, что в то время, как вождь является авторитетом для массы, масса, в свою очередь, является авторитетом для отдельного индивида, относящегося к ней. Для него масса обладает неограниченной силой, и осознание этого, а также полное согласие с вождем и идеей, заставляет индивида подчиняться происходящему и быть единым с массой.

Размышляя о массе, ученые подчеркивают, что существуют различные уровни её существования, и, если масса будет выполнять ряд определенных действий, то она сможет подняться на новый уровень. К примеру, Мак-Дугалл называет пять условий, соблюдение которых позволит душевной жизни массы подняться на более высокий уровень: 1) постоянство в составе; 2) формирование представления о природе, функции, деятельности и требованиях массы; 3) связь с другими, подобными массами, в результате чего возникает соперничество; 4) верность традициям, обычаям и установлениям массы; 5) дифференциация работы, выпадающей на долю индивида.

Фрейд же считает, что, для того чтобы масса стала высокоорганизованной, ей нужно придать качества индивида. По мнению Фрейда, те качества, о которых говорит Мак-Дугалл, характерны для индивида, не являющегося членом массы. Однако после попадания индивида в массу эти качества стираются, подавляются, потому что человек уже перестает ощущать себя в отдельности от массы, к которой он принадлежит. Индивид изменяется под влиянием массы: у него понижается интеллектуальная деятельность, повышается аффективность и стремление постоянно сравнивать себя с другими её членами. Такое влияние массы на индивида многие ученые называют внушением или же подражанием, что, в свою очередь, является следствием внушения.

Фрейд считает, что масса объединена в единое целое не просто вождем, идеей или общностью интересов, а некой таинственной силой, под которой он подразумевает Эрос [32, S. 14]. По мнению Фрейда, любовные отношения – это сущность массовой души. Каждый индивид в массе теряет оригинальность, чтобы быть в согласии с ней, что, по-видимому, не может не являться следствием любви и уважения ко всем членам массы и её вождю.

Фрейд демонстрирует свою точку зрения на примере двух, по его словам, видов высокоорганизованной массы: церковь и войско. И Христос, и главнокомандующий войска любит всех своих подопечных и является для них отцом. В массе, объединенной в единое целое любовью, возникает чувство привязанности друг к другу, вследствие чего исчезает враждебность и неприязненность. Далее Фрейд сравнивает отношения индивидов в массе с отношениями любовной пары и выделяет идентификацию и влюбленность как два вида привязанности между партнерами. Идентификация, как самое раннее проявление эмоциональной привязанности к другому человеку, представляет собой обогащение субъекта качествами, присущими объекту симпатии, а влюбленность – это принесение себя в жертву объекту. В массе индивид, конечно же, в первую очередь, идентифицирует себя с другими её членами и с вождем, желая перенять их качества, их манеру поведения. При рассмотрении каких-то частных случаев взаимоотношений индивида с членами массы и ее предводителем

можно, вероятно, говорить и о проявлении влюбленности в качестве желания принести себя в жертву, к примеру, ради общей идеи.

Кроме того, Фрейд подчеркивает, что так называемый стадный инстинкт выражает собой врожденное желание единения с другими. В результате такого единения человек, находясь внутри массы, будет требовать справедливости, одинакового обращения со всеми, так как в массе все равны [32, S. 30]. Вероятно, в какой-то мере желание справедливости может быть удовлетворено именно в высокоорганизованной массе, в которой индивидуальность человека отходит на последний план ради служения вождю и всеобщей идее.

Подытожив свои размышления по поводу массы и отдельного индивида внутри нее, Фрейд приходит к мнению, что масса сходна с гипнозом [32, S. 27]. Некое магнетическое влияние на человека, напоминающее воздействие гипноза, заставляет его подчиниться массе, следовать её законам и убеждениям, и идти вслед за вождем ради общей идеи. К гипнозу также добавляется идентификация, которая проявляется в желании подражать другим членам массы и развивать в себе те качества, которые им присущи. О гипнотическом влиянии массы на индивида говорит также Лебон.

Иную точку зрения в отношении массы представляет немецкий социолог Э. Кракауэр. Он рассматривает массу как порождение эпохи: масса выглядит и действует так, как диктует время и сложившийся порядок. В своем эссе «Орнамент массы» («Das Ornament der Masse», 1963) в качестве примера массы он приводит англо-американский танцевальный коллектив Tillergirls, ставший популярным в начале XX столетия. Этот коллектив, по его мнению, представляет собой массу, у которой нет лица, в которой каждый ее член лишен индивидуальности. Несомненно, и в теории Лебона, и в теории Фрейда также идет речь о потере индивидуальности в массе, так как каждый человек в ней важен уже не сам по себе, а в единстве с другими. Однако они говорят скорее о том, что в массе некоторые индивидуальные черты отдельного ее члена затемняются, подавляются, становятся не такими важными, потому что все члены массы должны быть равны, и они сами этому способствуют ради достижения

общей цели. В той массе, о которой говорит Кракауэр, индивидуальные черты человека изначально не берутся во внимание, человек не ценен сам по себе, он лишь отдельная деталь большого механизма, которую, впрочем, легко можно заменить [37, S. 51].

В некотором роде это утверждение Кракауэра напоминает теорию Канетти о массовых кристаллах [5, S. 80-81], небольшой и постоянной группе людей, которая служит для образования новых масс, т.е. является своего рода магнитом, притягивающим к себе прохожих. Массовые кристаллы, как и танцевальная группа в теории Кракауэра, вне своей «оболочки» или выполняемой функции не имеют никакого значения, что и позволяет провести аналогию между данными теориями. По униформе или легко узнаваемому костюму можно угадать приверженца массовых кристаллов (так же, как и участника конкретного танцевального коллектива). Так, в романе «Ослепление» массовым кристаллом является, к примеру, полиция, внушающая доверие своим мундиром и собирающая вокруг Терезианума еще больше людей [6, с. 365]. Впрочем, особое внимание в данной сцене во второй части романа вызывает швейцар, который и сообщает полиции о возникшей суматохе. «Благодаря швейцару чует опасность и полиция» [6, с. 365], словно между ними существует некая связь.

По мысли Канетти, массовый кристалл остается таковым навсегда. Даже если масса, к которой он себя причисляет, прекратила свое существование, массовый кристалл, пусть и незаметно, продолжает функционировать в одиночку. Когда в нём вновь возникнет необходимость, он незамедлительно вернется к своей «службе». Так, и швейцар не устает повторять разбушевавшейся толпе, что «уже двадцать шесть лет ни один лифт не оставался без его надзора» [6, с. 364]. Отколовшись от своей массы, он продолжает выполнять свою работу и, как и полиция, следить за порядком, ожидая подходящего момента для воссоединения с другими кристаллами. Однако теории Кракауэра и Канетти нельзя назвать абсолютными аналогами друг друга: массовые кристаллы всегда едины между собой, даже в том случае, если выступают отдельно от своих «соратников», в то время, как единство танцоров обеспечивается их совместным выступлением.

Размышляя о массе, Кракауэр говорит именно об орнаменте массы, то есть о постоянно повторяющемся элементе, замена и перестановка которого не испортит общего эстетического впечатления от всей композиции. Неслучайно он говорит о том, что воспринимать такой орнамент нужно рационально, так как это четко выверенная и построенная по строгим правилам модель [37, S. 53]. По мысли Кракауэра, такая масса вполне отвечает требованиям сложившейся современной ситуации, а именно: принципу капиталистического производственного процесса, для которого человек является средством, частью общего механизма [37, S. 53]. Сутью этого процесса, по словам Кракауэра, является «изготовление рабочих масс» (*Fabrikation von Arbeitermassen*), которые представляют собой средство для достижения поставленной цели.

Рассматривая далее в качестве примера упомянутую танцевальную группу, Кракауэр указывает на то обстоятельство, что членами такой готовой массы являются рабочие фабрик и офисов, которые служат успешному ходу капиталистического производственного процесса, поэтому, вероятно, их вклад в искусство не будет отличаться от установок, принятых на фабрике или в офисе.

Из этого следует, что, по мысли Кракауэра, в начале XX столетия нет массы как таковой, но есть строго выверенный орнамент массы. Если Лебон размышляет о коллективной душе массы, подразумевая, что масса – это особенный, живущий по своим принципам и законам организм, как и любой другой наделенный душой, а Фрейд – об Эросе, объединяющем всех членов массы в единое целое, которые, как и отдельный человек, способны на любовь, то Кракауэр говорит о массе как о слаженном механизме, не имеющем ни души, ни лица, ни каких-либо определенных целей. Из всего сказанного он делает вывод, что «орнамент массы – это эстетическая реакция рациональности, к которой стремится господствующая экономическая система» [37, S. 54].

1.2. Интерпретация феномена массы в эссе Канетти «Масса и власть» и в романе «Ослепление»

Поскольку термин «масса» важен для нас, прежде всего, в контексте работ Канетти, представляется необходимым проанализировать спектр значений слова «die Masse», которое писатель использует в теоретико-философском труде «Масса и власть» («Masse und Macht», 1962). Несмотря на то, что некоторые теории вышеназванных исследователей массы нашли отклик в идеях Канетти, его «Масса и власть» представляет собой во многом иную трактовку данного феномена. Так, напрямую столкнувшись с массой еще в юности во время протестов, связанных с убийством Вальтера Ратенау (1922), а затем в связи с событиями после пожара во Дворце правосудия в Вене (1927), Канетти решает посвятить свою жизнь исследованию данного феномена, результатом чего становится разработка классификации массы по различным критериям, установка необходимых факторов зарождения и сохранения массы, а также теория о существовании символов массы, которые, не являясь массой в традиционном понимании данного термина, тем не менее, воплощают в себе практически все основные характеристики массы.

Важно отметить, что в отличие от многих ученых, исследующих феномен массы, Канетти не противопоставляет массу и личность друг другу, пытаясь раскрыть постоянный конфликт и взаимодействие одного и другого в человеке [9, S. 77], ярким примером чему является борьба главного героя романа «Ослепление» с массой внутри себя.

Стандартная классификация массы в трактовке Канетти, в основе которой лежит количественный критерий, представляет собой два типа массы: открытую и закрытую [5, S. 12-14]. Открытая масса – это масса, количество членов которой не ограничено, то есть к ней постоянно могут присоединяться новые участники. Непрерывный рост и быстрое распространение являются важными признаками открытой массы. Если она не будет расти и привлекать всё больше приверженцев, то вскоре распадется (к примеру, внезапно возникшая толпа перед ломбардом Терезианум в главе «Вор» [6, с. 351-369]).

Для закрытой массы, наоборот, основополагающим признаком является не рост, а состав. Закрытая масса четко устанавливает границы входящих в неё

людей. Однако это не значит, что такая масса, однажды сформировавшись и закрепив свой состав, не станет принимать в свои ряды новых соратников. Появление новых участников не исключено, но это потребует определенных усилий с их стороны – оплата взноса за посещение, предварительная запись и т.д. Примером закрытой массы в романе «Ослепление» могут служить посетители забегаловки «У идеального неба» и пациенты психиатрической больницы Георга Кина. Разумеется, к одной и к другой массе всегда может присоединиться любой желающий, однако в первом случае для этого надо будет вести себя в соответствии с установившимся порядком в забегаловке (так, появление там Петера Кина сразу же вызывает любопытство у публики), а во втором – продемонстрировать признаки психологического заболевания, чтобы тем самым пробудить интерес к себе со стороны Георга.

Кроме того, при формировании закрытой массы важно учитывать вместимость помещения, предназначенного для ее собраний. Если для открытой массы нет никаких ограничений не только по количеству ее членов, но также и относительно заполняемого ею пространства, то закрытая масса ограничена, помимо всего прочего, пространством. В неё не допускается больше участников, чем может позволить отведенное пространство. Желающие разместиться за пределами закрытого и заполненного пространства относиться к закрытой массе уже не будут. Впрочем, Канетти отмечает, что в закрытой массе может произойти прорыв (*der Ausbruch* [5, S. 19]), который приведет к внезапному переходу закрытой массы в открытую. Этот взрыв нужно понимать не только в пространственном значении, при котором члены закрытой массы выходят из отведенного им помещения и перемещаются на улицу, но, в первую очередь, в интеллектуальном значении: члены закрытой массы выражают недовольство по поводу ограничения числа участников, они хотят привлечь больше сторонников, испытывают желание достучаться до каждого.

Стандартному распределению людей в массе, где каждый может видеть только находящихся непосредственно рядом с ним, о стоящих же впереди и позади член массы скорее догадывается, Канетти противопоставляет массу в виде

кольца (в амфитеатре). В такой массе каждый может видеть других членов этой массы, их лицо, их реакцию на происходящее на сцене. В отличие от первого вида массы, в «кольцевой» массе каждый её участник может наблюдать не просто реакцию другого человека, но также и проводить в связи с этим определенные аналогии: то, что взволновало его, волнует и другого человека, находящегося в этой массе. Таким образом, «кольцевая» масса – это масса, которая сама себя делает объектом демонстрации. В основе противопоставления данных видов массы лежит критерий распределения участников внутри массы.

Прежде чем перейти к детальному анализу классификаций массы, следует перечислить её основные характеристики, которые и лягут в основу дальнейших классификаций. Канетти выделяет следующие основные свойства массы:

- масса всегда стремится к росту (как было сказано выше, даже закрытая масса может стремиться к увеличению количества своих участников);
- внутри массы царит равенство (если в обычной жизни каждый из нас выполняет определенные социальные роли и по своему статусу находится выше или ниже других, то в массе границы между людьми полностью стираются);
- масса нуждается в телесном контакте. Находясь вне массы, каждый из нас подсознательно испытывает страх прикосновения (*die Berührungsfurcht* [5, S. 11-12]). В массе же ощущение непосредственной близости с другими её участниками является релевантным критерием для её существования. Своей обязательной плотностью масса на какое-то время избавляет индивидуума от страха прикосновения, однако взамен лишает его индивидуальных черт [39, S. 21];
- масса нуждается в направлении, что также усиливает ощущение единства и равенства: пока массе есть, куда двигаться, пока у неё есть цель и направление, ликвидация ей не грозит.

Исходя из вышеназванных свойств массы, Канетти выделяет застывшую и ритмичную массу (по равенству и плотности), а также медленную и быструю (по цели).

Для застывшей массы огромное значение имеет плотность, именно благодаря ей и формируется масса. Чем больше плотность, тем больше участников притягивает к себе масса. Она неподвижна, расстояние между людьми минимально. Поскольку члены застывшей массы находятся в состоянии ожидания, терпение является её важной характеристикой. Объединенные ожиданием чего-то обещанного, люди в застывшей массе могут находиться неподвижно довольно долгое время. Равенство участников такой массы, однако, еще не наступило, так как равными они станут только после разрядки.

Разрядка, в свою очередь, – это важнейшая, по мысли Канетти, характеристика массы, позволяющая собравшимся вместе людям наконец стать полноценной, единой массой [5, S. 14-16]. До момента разрядки люди еще не чувствуют единения и равенства и выполняют привычные для себя социальные роли. После разрядки между ними уже нет никаких границ и различий. В зависимости от цели возникновения массы разрядка может иметь разные проявления: это могут быть, к примеру, крики во время концертов, демонстраций, аплодисменты во время представлений, а также разрядка может быть следствием страсти к разрушению.

Таким образом, равенство становится в определенной степени целью застывшей массы. Следует отметить, что плотность в застывшей массе необходимо понимать не только в буквальном значении: люди так близко находятся друг к другу, что физически ощущают стоящих рядом, а могут и не касаться друг друга, как, к примеру, в театре. В качестве примера застывшей массы Канетти приводит публику в театре, на концерте, а также публику во время проведения смертной казни.

Застывшей массе Канетти противопоставляет ритмичную массу. В ритмичной массе плотность и равенство изначально объединены, так как для нее наиболее важным является движение. В ритмичной массе все выступают как единое целое, чувствуют друг друга и действуют в заданном ритме. Примером такой массы является любой танцевальный коллектив. Так, к примеру, Канетти говорит о танце хака новозеландского племени маори [5, S. 31]. Изначально этот

танец считался военным, поэтому выглядел устрашающе. В настоящее время он исполняется национальной сборной по регби перед началом матча.

Кроме того, Канетти разделяет массу на медленную и быструю, исходя из цели, которую она преследует. Цель медленной массы рассчитана на реализацию в будущем, поэтому достичь её не так просто. Суть такой массы состоит не столько в достижении цели, сколько в движении к ней. В качестве примера медленной массы Канетти приводит ежегодное паломничество мусульман в город Мекка [5, S. 40], а также верующих, для которых сама жизнь на земле и является паломничеством, а целью – уход в иной мир. Медленная масса растет постепенно, а не стремительно (паломничество в город Мекка). В некоторых случаях участники медленной массы даже живут в разных городах или странах и не знают друг друга (верующие), но, тем не менее, являются массой, так как объединены одной целью.

Цель же быстрой массы находится в непосредственной близости от её участников, и достигнуть её можно в короткий период времени. Примерами такой массы являются команды на спортивных соревнованиях, политические партии во время выборов и т.д.

Разделение на видимую и невидимую массы, которое далее приводит Канетти, позволяет говорить о постоянном нахождении человека в массе. Видимая масса – это живые существа, а невидимая, соответственно, – неживые, находящиеся в потустороннем мире. Размышляя о невидимой массе, Канетти приводит в качестве примеров представления различных народов о всякого рода злых существах и загробном мире. Так, например, он говорит о существовании у древних германцев особого мира для павших в бою – Вальгалле [5, S. 45]. Таким образом, рыцари, погибшие во время сражений и оказавшиеся в Вальгалле, являются членами невидимой массы.

Все представленные классификации массы были сделаны, основываясь на формальных принципах, но, помимо того, что уже было сказано о различных видах массы, важно отметить, что они также наполнены аффектами. Каждая из аффективных форм массы имеет определенный оттенок: массой овладевает некая

склонность, согласно которой она выстраивает своё поведение. Канетти выделяет следующие формы массы по аффективному содержанию [5, S. 50-67]:

- преследующая масса;
- убегающая масса;
- масса запрета;
- масса обращения;
- праздничная масса.

Перед преследующей массой стоит быстро достижимая цель, и она стремительно двигается в направлении данной цели. Преследующая масса концентрируется на том, кого она должна поймать и убить. Жертва такой массы – это и цель, и точка её наибольшей плотности одновременно, ведь пока идёт охота на жертву, преследующая масса едина. Однако после совершения убийства перед преследующей массой возникает угроза распада, так как источника обеспечения её плотности и единства действий уже не существует.

Важно отметить, что жертва преследующей массы, пока она не уничтожена, является индивидуумом, в то время, как её преследователи полностью потеряли черты индивидуальности [39, S. 22]. Так, Петер Кин пытался держаться вдали от массы и сохранять в себе индивидуальность. Другие герои романа, напротив, примкнув к преследующей массе, лишились и индивидуальности, и чувства ответственности за свои поступки.

Канетти говорит также о двух видах смерти, которые может причинить преследующая масса своей жертве. Первый вид – выталкивание (*das Ausstoßen* [5, S. 52]) предполагает, что человек, в котором масса больше не нуждается, исключается из нее и отдается на съедение диким зверям, обрекается на голод или одиночество. Для человека, который всю свою жизнь принадлежал к массе, разъединение с ней – это мучение, представляющее собой наказание, за которым через какое-то время последует смерть. Таким человеком в романе является карлик Фишерле, потерявший связь со своей массой и всеми силами пытающийся вновь объединиться с ней, о чём пойдет речь далее.

Второй вид – это совместное убийство (*das Zusammen-Töten* [5, S. 52]), при котором масса сама принимает участие в убийстве своей жертвы либо делегирует из своих рядов того, кто это делает. В качестве примера такой массы Канетти приводит толпу зрителей на смертной казни, собравшуюся для того, чтобы своими глазами увидеть смерть неугодного обществу человека. Такой массе важно, чтобы ей показали голову убитого – это и есть момент разрядки.

Основой для формирования другого вида массы, убегающей массы, является угроза существования каждого из её участников. Пока участники такой массы находятся вместе, грозящая им опасность не кажется чем-то неизбежным: она разделяется между участниками массы. Важно отметить, что существование такой массы может перерасти в панику при условии, если масса больше не будет единой, если её участники начнут рассматривать друг друга как препятствие на пути к выживанию. В таком случае каждый будет бороться сам за себя, и масса распадется.

Разрушение убегающей массы может быть различным. При достижении цели, то есть безопасности (к примеру, возвращение в город, где грозившая им опасность уже миновала), распад убегающей массы будет естественным. Существование такой массы уже не будет иметь смысла, так как её участники вместе смогли пережить угрозу, выжить, а, значит, больше не нужны друг другу.

В случае, если участники массы продолжают находиться в опасности, происходит физическое разрушение убегающей массы (голод, слабость), что, в свою очередь, приводит к замедлению движения. Убегающая масса постепенно уменьшается, теряет своих участников, то есть распадается насильственным образом, но оставшиеся в живых до самого последнего остаются вместе и продолжают двигаться дальше, пока не обретут безопасность.

Основа формирования следующего вида массы – это запрет. Вследствие того, что определенное количество людей в силу каких-либо обстоятельств отказывается выполнять ранее привычные действия, образуется масса протестующих, масса запрета. Самый яркий пример такой массы – это забастовка. Всеобщее настроение негодования во время забастовки передается

даже тем, кто изначально не хотел присоединяться к протестующим. Суть забастовки состоит именно в том, что даже те, кто не относится к бастующим, не должны продолжать заниматься привычным делом, пока идет забастовка. К примеру, если забастовка идет на заводе, то производство полностью останавливается, так как дальнейшая коллективная работа становится невозможной. Присоединиться к уже сформировавшейся массе запрета непросто: у нового участника проверяются его намерения и настрой с целью выявить в нем потенциального врага или предателя. Такой человек может привести массу к распаду, так как она перестанет обладать такими важными свойствами, как единство и плотность, а, значит, ей можно легко противостоять.

Основа формирования массы обращения – это на протяжении долгого времени накапливаемые притеснения, обиды, издевательства, или, как их по-другому называет Канетти, «мучительное жало» («*reinliche Stachel*» [5, S. 62]). В массе, склонной к резкой перемене своего существования, после долгого терпения и смирения происходит своего рода «взрыв», который является отправной точкой для выступления против своих обидчиков.

Масса обращения – это такая масса, разрядка которой состоит из совместного освобождения от мучившего их «жала» приказов. Примером такой массы являются революционные массы. На первый взгляд может показаться, что масса обращения напоминает преследующую массу, но, если последняя, уничтожив свою жертву, распадается, то у массы обращения на этом её существование не заканчивается. Она продолжает идти всё дальше и вовлекать в это движение всё больше людей. Это процесс, который затрагивает всё общество.

Однако процесс обращения может проходить и медленнее, если говорить, к примеру, о верующих. Для них избавление от «жала», полученного на земле, произойдет только после смерти.

Один из самых безобидных видов массы является масса, основой формирования которой служит праздник. Праздничная масса меньше всего из всех названных видов масс представляет собой угрозу, и потому любой желающий легко может к ней присоединиться. Внутри праздничной массы царит

атмосфера расслабления, а не напряжения и следующей за ним разрядки. Следует подчеркнуть, что, в отличие от других видов масс, праздничная масса не имеет цели, так как праздник для неё и есть цель, которая уже достигнута.

Впрочем, праздничная масса также не лишена потенциала агрессии по отношению к членам социума, не втянутым в праздничное действо, если сравнить её, к примеру, с дионисийством Ницше и карнавальной массой Бахтина.

Таким образом, массы различаются по количеству участников, цели, скорости передвижения, плотности, занимаемому пространству. Однако все указанные виды масс объединяет один общий признак: они состоят из людей. По мнению Канетти, существует ряд символов массы, которые в большей или меньшей степени обладают признаками массы в традиционном понимании. Такими символами массы являются огонь, море, дождь, река, лес, зёрна, ветер, песок, груды чего-либо (урожае, зёрен, фруктов, иными словами, того, что собрал и добыл человек своими руками), груды камней, сокровище [5, S. 82-99]. Для дальнейшего анализа романа «Ослепление» особое значение имеет, прежде всего, огонь, являя собой наиболее точное олицетворение массы, и его главный противник – вода (море, дождь, река).

Река, к примеру, является массой в момент её зарождения, перед разрядкой или так называемым «взрывом», после которого все члены массы становятся единым целым. Тихое, размеренное движение реки, её четкое и неизменное направление, в соответствии с которым беспрекословно движутся мелкие речушки, впадающие в одну большую реку, напоминает массовые демонстрации, идущие по длинной улице, ограниченной с двух сторон (словно река – берегами), к которым постепенно присоединяются новые участники с различных районов города. Такая масса еще только набирает людей, которые привыкают друг к другу, осматриваются и презентуют себя всем, кто находится за пределами процессии. Так, река решительно движется по направлению к морю, чтобы стать наконец частью чего-то всеобщего, всеобъемлющего.

Море, в свою очередь, состоит из равноценных и однообразных волн, которые обеспечивают постоянное движение и тесную взаимосвязь друг с

другом. Эта тесная взаимосвязь вмещает в себя покладистость, гибкость волн (членов массы) по отношению друг к другу, их зависимость друг от друга и, наконец, чувство силы, которое их объединяет и заставляет продолжать движение. В море впадает множество рек, озёр, однако при этом оно остается неизменным по своей величине. Оно всегда продолжает оставаться огромным и безграничным, к чему стремится и масса. К примеру, открытая масса привлекает к себе всё больше и больше людей, чтобы стать такой же огромной, как море.

Отдельно следует отметить суждение Канетти о каплях [5, S. 88], которые относятся к морю и в то же время вне его являются потерянными, изолированными членами массы. Капли представляют собой нечто ценное только тогда, когда их нельзя посчитать, нельзя отделить одну от другой. Так, отщепенцы, утратившие связь со своей массой, являются каплями, которые мечтают вновь стать частью моря.

Фишерле, герой романа «Ослепление», никак не найдет массу, в которой он будет чувствовать себя комфортно, массу, которая с легкостью примет его в свои ряды и будет считать равным. Карлик грезит об освобождении от ненавистного горба, который не позволяет ему быть таким, как все, и о поездке в Америку, где исполнится наконец его мечта. «Все капли текут в океан», так представляет Фишерле своё возвращение к массе, и «на океанской громадине отплывает в Америку доктор Фишер» [6, с. 450].

Впрочем, изоляция Фишерле, как было сказано выше, прекращается несколько иным способом. Ухажер его жены жестоким образом убивает его, отрезав карлику горб. Тем самым Фишерле лишается горба и присоединяется к невидимой массе, массе, которая, по мысли Канетти, является постоянным противником всех живых существ и которая постепенно пополняет свои ряды членами видимой массы.

Капли дождя воспринимаются иным образом. Они отделены друг от друга, однако их единение выражается в совместном, одновременном падении. Дождь может быть более или менее интенсивным, может превратиться в ливень или, наоборот, стихнуть и стать едва ощутимым. В любом случае мы точно знаем, что

он закончится, и от его капель вскоре не останется следа. Тем самым, дождь не олицетворяет массу, которая стремительно увеличивается в размерах и разрушает всё на своём пути (огонь), или массу, желающую быть неисчерпаемой и в то же время оставаться неизменной (море), дождь олицетворяет массу в момент её разрядки или распада. Постепенно тучи на небе накапливаются, сгущаются, и, в конце концов, происходит взрыв (разрядка), результатом которого становятся падающие на землю капли, одинаковые по скорости, по звуку, который они производят при столкновении с поверхностью, и по ощущениям, которые капли вызывают у человека при попадании на кожу. Тучи, следствием которых стал дождь, исчезают, дождь прекращается, и, тем самым, масса перестает существовать.

По тому, как главный герой романа «Ослепление» воспринимает дождь в начале и конце книги, можно оценить изменения, которые с ним произошли. Так, в первой части романа Петер Кин прогуливается по улице и по всем природным признакам понимает, что идет дождь, однако капли его не касаются. Петер словно бы находится в некоем закрытом пространстве, которое позволяет ему в любой момент спрятаться от дождя: «...польет дождь, но не на меня. Легкий шум выдавал, что падают капли. Они слышны были из далекой дали, они не касались тебя» [6, с. 95]. В начале романа профессор всячески избегает соприкосновения с массой, живет по своим собственным законам и не присоединяется ни к каким течениям. Он действительно сумел создать для себя некий кокон, который отгораживает его от мира, поэтому название первой части романа – «голова без мира» – вполне отвечает тому образу жизни, который избрал для себя синолог.

Капли, являющиеся результатом массовых разрядок, действительно не касаются профессора. Однако в конце романа Кин не просто чувствует капли на себе, – он подставляет дождю лицо. Синолог надеется на то, что дождь сможет потушить его «пылающую голову» [6, с. 568], ведь в его голове находится весь мир, его книги, которые профессор усердно пытается спасти от сотрудников Терезианума и от людей, которые, в отличие от него, не придают им большого значения. Выбравшись из своего кокона, Кин не смог избежать столкновения с

массой, которая, несмотря на его сопротивление, сумела его победить. Впрочем, последовавшее за разрядкой разрушение массы при помощи огня не дает нам права говорить об однозначной победе массы. Ведь завершает роман не только огонь, но и громкий смех Кина, который можно назвать одним из последних оружий профессора в борьбе с надвигающейся на него массой.

Самый важный природный символ массы, по мнению Канетти, – это всё же огонь, каковое представление, вероятно, является следствием столкновения самого писателя с огнем во время пожара во Дворце правосудия: «Это был очень жаркий день. Даже там, где нельзя было увидеть огонь, небо было красным, и повсюду чувствовался запах жженой бумаги» [3, S. 235]. Возможно, именно в этой толпе, обратив внимание на мужчину, причитающего по поводу того, что в пожаре могут погибнуть важные бумаги, но не люди, Канетти пришла в голову идея о завершении своего романа сожжением главного героя вместе с его книгами [47, S. 18].

В качестве одной из самых главных характеристик огня Канетти выделяет его внезапность и стремительность. Пожар может возникнуть неожиданно в любом месте и в любое время, при этом огонь, как уже было сказано, с огромной скоростью уничтожает всё на своём пути. Несмотря на то, что огонь обладает такой разрушительной силой, человек испокон веков хотел извлечь пользу из этого явления и всеми способами стремился к созданию и поддержанию огня. Таким образом, человек сумел приручить огонь и сделать его неотъемлемой частью своей жизни, используя в качестве средства отопления и приготовления пищи. Однако нельзя сказать, что человечество получило абсолютную власть над огнем, поскольку внезапность и ненасытность продолжают оставаться его ключевыми качествами. Так, Канетти утверждает, что огонь, будто живое существо, может в любую минуту погаснуть и тем самым прекратить свое существование, однако в другом месте его жизнь возобновляется.

Главное отличие моря от огня, по мнению Канетти, заключается в том, что огонь может возникнуть из ничего где угодно, в любой момент, море же всегда находится там, где его ожидают увидеть. Несмотря на то, что оно состоит из

тысячи различных голосов, которые никогда не умолкают, море говорит только на одном, понятном для всех языке, являя тем самым пример умиротворенности и гуманности.

Масса, подобно огню, внезапна, заразительна и ненасытна, может возникнуть в любом месте и уничтожить всё на своём пути. В свою очередь, склонность к разрушениям (в большинстве случаев именно при помощи огня) относится к сильнейшим инстинктам массы («И весь Терезианум в придачу. Поджечь! Вот уж будет пожарчик» [6, с. 362]), что в конечном итоге может привести к тому, что масса начнет идентифицировать себя с огнем. Так, к примеру, захваченные города, потеряв надежду на освобождение и видя в самоуничтожении единственный выход, поджигают сами себя.

Кроме того, огонь обладает огромной притягательной силой, которая заставляет людей двигаться по направлению к источнику возгорания. В подтверждение своих слов Канетти приводит историю о женщине, которая устроила около двадцати поджогов с целью обратить внимание общественности на себя [5, S. 87]. В ней было невероятно велико желание стать членом массы, и, устраивая поджоги, она сама становилась огнем, а, следовательно, массой. Желая сохранить ощущение единения с массой, эта женщина уже после устранения пожара признавалась в их совершении: «чем подробнее был её рассказ, тем дольше на неё смотрели и тем дольше она сама была огнём» [5, S. 87].

В романе «Ослепление» мы находим аналогичный случай в истории кузнеца Жана Превалья [6, с. 503-507], пациента психологической клиники Георга Кина. После того, как его жена ушла от него к другому мужчине, Жан начинает чувствовать себя одиноким и изолированным от общества. Он ищет жену повсюду, но его поиски тщетны. Тогда он решает поджечь всю деревню, действуя подобно приведенным выше осажденным городам без надежды на спасение. Признаваясь в совершении поджога («Это я! Это я!» [6, с. 504]), кузнец выражает своё желание быть массой, быть огнём. Даже его сосед по палате отказывается верить в то, что кузнеца зовут Жан Преваль, утверждая, что его настоящее имя – Вулкан.

Упоминание вулкана возвращает нас к первой части романа, где Кин, еще находясь в своей собственной квартире, видит сон, в котором огромная библиотека располагается прямо у подножия Везувия, грозившего извержением ровно через 8 минут [6, с. 186]. Можно предположить, что книги для профессора были тем, чем внезапно потерянная жена была для Жана Преваля. Синолога лишили самого дорогого, что было в его жизни. Он стал искать их повсюду, собирать их в своей голове, однако после возвращения домой оказалось, что тех книг и той квартиры, к которым он так привык, уже нет. Всё изменилось и в нём, и в его собственном доме, поэтому он решает сжечь свою «деревню» вместе с самим собой.

Если сравнить оба эпизода (сожжение деревни Жаном Превалем и уничтожение Кином своей библиотеки), можно найти много похожих моментов. Единственное, что их отличает, – это очередность. Так, к примеру, «Жан засмеялся и поджег деревню», а профессор смеется, когда «пламя наконец достигает его». Жана «мучил голод», как и Кина в его сне, который является предвестником трагической смерти синолога. Профессор всячески пытается избавиться от земных, массовых потребностей, таких, как еда или плотская любовь, полагая, возможно, что тем самым он сможет избежать влияния массы. Наконец, важным является упоминание дождя в обоих эпизодах: «дождь лил ему [Жану] прямо в рот, он пил и пил», а синолог «запрокинул голову и подставил дождю лицо». Капли дождя, падающие на Жана уже после того, как он совершил поджог деревни, можно интерпретировать как метафору распада массы. Именно поэтому затем кузнец вновь своим признанием напоминает о себе и своем поступке: он хочет снова обратить внимание на себя и «побыть» массой. Петер Кин, однако, чувствует капли дождя еще до того, как решается на самоубийство. Масса медленно подступает к нему и заполняет всю его квартиру и, что намного важнее, его самого. Дождь в этой сцене – это разрядка, которая свидетельствует о том, что масса стала единой, и ей уже невозможно противостоять. Профессор надеется, что дождь сможет остудить его пылающую голову, однако дождь, как и огонь, и есть масса, от которой Кина уже ничто не спасет. Петер Кин всё же

решается на сожжение своих книг, несмотря на свою безграничную любовь к ним.

В первой части романа профессор рассказывает, как в 213 г. д.н.э. в Китае произошло сожжение книг по вине жестокого узурпатора Ши-хуанди [6, с. 123]. Так он начинает обращение к своим книгам, вспоминая историю их страданий. Несмотря на то, что виновные впоследствии были наказаны, книги уже невозможно было вернуть. Однако синолог находит объяснение такого рода поступкам в словах «великого учителя Мэна», указывающего на «людей толпы» (нем. *die Leute der Masse*), которые не ведают, что творят, «всю жизнь бродят, но пути своего не знают» [6, с. 125].

Профессор берет на себя ответственность за свои книги, которые он любым способом готов оберегать от нападений массы, не учитывая то обстоятельство, что сам может попасть под влияние массы и сам стать ею.

Таким образом, сожжение Кином своей библиотеки можно трактовать по-разному: как попытку спасти книги от неразумной массы, которая готова продавать за гроши и уничтожать великое наследие человечества, как единственную возможность спасти книги от массы, поглотившей самого ученого, или, наконец, как желание самому стать массой, спастись от одиночества и изоляции и привлечь внимание общественности к себе и своей библиотеке. Огонь – это не средство борьбы с массой в себе, это лишь еще один повод увеличить географию её распространения. Смерть, в свою очередь, символизирует собой прекращение изоляции и вступление в ряды невидимой массы [24, S. 152].

Помимо прямого упоминания огня или поджогов, в романе присутствует человек, который по своему внешнему виду и поведению напоминает огонь, а, следовательно, и может символизировать саму массу в целом, её разрушительную силу. Речь идет о бывшем полицейском, нынешнем блюстителе порядка в доме номер 24 на Эрлихштрассе Бенедикте Пфаффе. Привратник изобретает необычный глазок, расположенный внизу двери на уровне ног прохожих, чтобы отслеживать появление в доме нежелательных гостей: лоточников и нищих. Он

определяет их по «штанам», стремительно набрасывается, словно огонь, и «избивает до полусмерти». Рыжеволосый, с огромными «рыжеволосыми кулачищами», «рыжий кот», «рыжий детина» (в нем. *rot* обозначает и красный, и рыжий цвет) – таково описание внешности бывшего полицейского. Практически никто не называет его по имени, основной его характеристикой является рыжий цвет, который всех отталкивает и в то же время притягивает. Так, во время столпотворения и драки перед Терезианумом «все взгляды были направлены на рыжего» [6, с. 363].

Из-за своей страсти к разрушению и причинению боли Пфафф убивает жену, а затем дочь. В свою очередь, если привратник представляет собой разбушевавшийся, сметающий всё на своём пути огонь, то его дочь Анна является, вероятно, тем самым прирученным огоньком, которому не дают разгореться по-настоящему. Несмотря на своё смирение перед волей отца, она обладает желанием и, что ещё важнее, потенциалом стать полноценным «огнём», на что указывает подаренная возлюбленным сигарета, которую она прячет под сердцем. Сама по себе сигарета не несёт никакой угрозы, однако, подоженная, она может привести к серьёзным разрушениям. Так, Анна мечтает, что обожжет своего возлюбленного горячей сигаретой, тем самым пытаясь, вероятно, привлечь его внимание к себе. Однако спичку для этого, по её представлениям, должен был дать ей именно Франц, её возлюбленный, но он убегает, забрав с собой последние надежды Анны выбраться на свободу. А впоследствии Пфафф уничтожит и этот, еще не разгоревшийся источник огня (и сигарету, и саму Анну).

Кроме того, сравнение привратника с котом неслучайно. Одним из важных характеристик массы, как и огня, по мысли Канетти, является скорость её распространения. В то же время скорость является релевантным элементом и власти: от того, насколько быстро потенциальный властитель догонит и схватит свою жертву, зависит сохранение за ним его властных полномочий. Так, Пфафф «с кошачьей мягкостью» завладевает доверием Кина после того, как однажды едва не путает его с нищим. Как обычно, привратник стремительно

набрасывается на прохожего, пытается «схватить его за горло», однако «оно находилось очень высоко, и добраться до него было трудно» [6, с. 117]. Таким образом, Пфафф (огонь/масса) уже предпринимал попытки добраться до профессора, но тогда синолог сумел выстроить огромную китайскую стену между своим миром и миром массы [73, S. 178], которая затем всё же не смогла избежать натиска массы.

Потеряв жену и дочь, привратник старается не выпускать Кина из поля зрения, чтобы не лишиться своей единственной на тот момент жертвы («профессора он не отдаст, он вцепляется в него, отбрасывает от себя людей правой рукой» [6, с. 363]).

Помимо огня, Бенедикт Пфафф напоминает собой также массовый кристалл, который, впрочем, на какое-то время потерял связь с другими такими же кристаллами, то есть его коллегами по службе. Как уже было сказано выше, массовый кристалл навсегда закреплен за своей функцией. Даже оторвавшись от своих соратников, он не перестает сохранять с ними незримую связь. Однако важным критерием узнаваемости массового кристалла является его внешняя оболочка, костюм, одинаковый для всех. Уйдя на пенсию и лишившись права осуществлять власть над провинившимися, привратник всеми силами старается оставаться блюстителем порядка хотя бы в пределах своего дома. Тем не менее, в полицейском участке Пфафф не вызывает доверия у своих бывших коллег, «они всё ещё не знали, кто перед ними» [6, с. 370]. Поскольку на нём больше нет «опознавательных знаков», по которым можно было бы определить его принадлежность к массовым кристаллам, полицейские некоторое время не обращают на него внимания, однако после его решительной речи в защиту своей жертвы, полицейские признают, «что рыжий служил когда-то в полиции» [6, с. 400]. Тем самым подтверждается теория Канетти о том, что массовый кристалл навсегда сохраняет свою функцию. В таком случае Пфафф является одновременно и массой, и массовым кристаллом, который собирает массу вокруг себя.

Таким образом, в романе «Ослепление» можно выделить несколько видов проявлений массы.

Во-первых, масса как большая концентрация людей, взаимодействующих друг с другом, встречается в романе лишь однажды. В сцене перед ломбардом Терезианум, которая упоминалась выше, завязывается драка между Терезой, Кином, Пфаффом и Фишерле, к которой впоследствии присоединяются прохожие. Данная масса воплощает такие важные характеристики формирования массы, как внезапное появление и стремление к росту. Кроме того, масса перед Терезианумом является одновременно и открытой массой, так как она не ограничена в пространстве, и застывшей массой, так как она ожидает дальнейшего развития событий (драки) и прихода полиции, и преследующей массой, так как находит среди собравшихся жертву (Фишерле) и направляет всю свою энергию на её поимку [24, S. 144].

Во-вторых, в произведении на первый план выходят две главные противоборствующие друг с другом массы: мужчин и женщин. Так, в романе присутствует целый ряд мизогинных характеристик, явленных как скрытые отсылки к труду австрийского философа и психолога Отто Вайнингера «Пол и характер» (*Geschlecht und Charakter*, 1903). Наиболее очевидной отсылкой такого рода, как указывает Т. А. Федяева в комментариях к роману, выступает, к примеру, суждение главного героя о том, что «характер, а не пыльная тряпка создает человека» [6, с. 125], что напоминает утверждение Вайнингера о характере как синониме индивидуальности, которой может обладать лишь мужчина [6, с. 578].

В романе негативные характеристики женственности связаны, прежде всего, с Терезой, однако и другие женские образы выведены скорее как тени, которые являются лишь приложением к мужчине (жена и дочь привратника, которые зависимы от его поведения; жена Фишерле, забота о котором превратилась для неё в неотъемлемую часть жизни; Фишерша, являющаяся женской копией карлика). Впрочем, единственный женский образ, который вызывает у профессора симпатию, – это Ева, нарисованная Микеланджело на потолке Сикстинской

капеллы. Кин утверждает, что именно «эту Еву» (в отличие от библейской Евы, которую синолог характеризует как «нечто второе, нечто другое, зло, несчастье») имеет смысл оберегать и защищать от уничтожения, ведь она – «завет» Микеланджело [6, с. 551]. Иными словами, женщина только лишь как продукт творческой либо научной деятельности несёт в себе ценность для Кина. Кроме того, само слово «масса» («die Masse») является существительным женского рода, что также может служить причиной неприязненного отношения Петера Кина к окружающим. Именно поэтому он утверждает, что Георг должен избавиться от всего «женского» (от массы), чтобы стать полноценным человеком. В своей критике, направленной на младшего брата, профессор не раз обращается к обозначению «женское», «женщина» («Weib/Frau»), которое в его речи превращается даже в ругательство [20, S. 183].

В-третьих, смерть многих героев романа «Ослепление» (жена и дочь привратника, Фишерле, Петер Кин) можно рассматривать как присоединение к невидимой массе, которое для некоторых из них является следствием прекращения изоляции и отчуждения.

В-четвертых, сопротивление основных, по мнению Канетти, символов массы, огня и воды, представлено в романе различными упоминаниями и намеками на оба явления, некоторые из которых были рассмотрены выше. Помимо проанализированных выше примеров на символическую соотнесенность персонажей с огнем или водой указывает также цветовая символика. Так, рыжие волосы привратника позволяют интерпретировать его как представителя «огненной» массы, синяя юбка Терезы может свидетельствовать о её отношении к водной стихии, к которой, вероятно, относится и карлик Фишерле, являющийся выходцем из забегаловки «У идеального неба» (небо также синего цвета).

Впрочем, Терезу можно одновременно отнести к обеим стихиям, так как её фамилия (Krumholz, das Holz – дерево), как и фамилия главного героя (der Kien – смолистое дерево) обозначает горючее вещество, подверженное стремительному возгоранию. Возможно, синяя юбка экономки служила своего рода «защитой» именно по отношению к этой предрасположенности.

Карлика Фишерле, однако, всё же нельзя назвать полноценным членом «синей» массы, поскольку, как уже было сказано, он является каплей, оторвавшейся от своей массы.

В свою очередь, Петер Кин отрицает существование синего цвета, считая его «выдумкой физики», красный же цвет является для него чем-то постоянным и не вызывающим сомнения, что можно трактовать как невольное признание победы в этом противостоянии за огненной стихией. Так, профессор не замечает исходящей со стороны Терезы и Фишерле опасности, считая экономку не достойной внимания невеждой, а карлика – своим другом и помощником. Наконец, Петер Кин в заключительной части романа сам становится представителем «огненной» массы, воплотив в реальность сон младшего брата о красном петухе [6, с. 514].

Важно, однако, учитывать, что Канетти написал свой роман намного раньше, чем в свет вышел его труд «Масса и власть», поэтому проведение абсолютной аналогии между образной системой «Ослепления» и основными положениями теоретико-философского эссе является не совсем правомерным. Так, к примеру, Диссингер, пытаясь последовательно отыскать признаки всех символов массы в романе, утверждает, что книги – это тоже масса, которая у Канетти в «Массе и власти» представлена в виде сокровища [24, S. 162]. Несомненно, книги являются своего рода массой (возможно, той самой невидимой массой, которая угрожающе нависает над массой живущих), что подтверждает глава «Мобилизация», где профессор разговаривает с авторами стоящих на полках книг как с живыми людьми и, будто предводитель своё войско, призывает их к войне с Терезой [6, с. 116-131]. Однако вопрос о правомерности сравнения книг с феноменом, обозначенном как «сокровище» в тексте «Масса и власть», является скорее спорным, так как, по Канетти, «сокровище», как и масса, притягательно для всех, кто узнаёт о его существовании. Книги же в контексте романа имеют особое значение только для профессора. Для Терезы и Фишерле, наоборот, они служат лишь средством в достижении собственных целей. Они оба стремятся к обладанию деньгами профессора, соответственно,

карлик и экономка восхищаются ценностью этого «сокровища» только для того, чтобы добиться расположения ученого. Для остальных героев произведения книги профессора не представляют особого интереса.

Ссылаясь на мнение многих исследователей массы, выводы самого Канетти и, прежде всего, на события, происходящие в романе «Ослепление», можно предположить, что масса – это то, чего нельзя избежать. Каждый человек так или иначе находится или находился в массе, поэтому любые попытки уйти от столкновения с нею бессмысленны. Петер Кин усердно старается уберечь себя от её влияния, однако сам того не сознавая находится среди неё: среди массы книг, окружающих его, массы ученых, посвящающих себя науке (ведь необязательно пребывать среди других членов массы, чтобы относиться к ней). Поскольку роман заканчивается эпизодом, свидетельствующим о безуспешности борьбы с массой, то возможно предположить, что самым главным видом массы в произведении австрийского писателя является, пожалуй, интериоризированная (внутренняя) масса. Человек по своей природе нуждается в контакте с другими людьми. Если же этого контакта намеренно избегать, то такого рода изоляция в конце концов может привести к трагическим последствиям. Принудительная изоляция Анны Пфафф закончилась разочарованием, отчаянием и смертью, оторванность Фишерле от своей массы и желание Кина всегда быть наедине с самим собой также привели обоих к гибели. Не найдя массы вовне, они начинают искать её внутри себя. Так, Кин, столкнувшись наконец с массой, в конце романа вновь остается один, но теперь воспринимает своё положение не как свободу, а как одиночество. Профессор повсюду видит следы массы, от которых уже не избавиться. Однако, если после смерти Фишерле о нём все забыли, то аутодафе синологического приведет к образованию новых масс, привлечённых огнём.

Глава 2. Репрезентация феномена власти в романе Канетти «Ослепление»

2.1. Экскурс в историю изучения феномена власти

Как известно, феномен власти занимает умы многих философов, социологов, культурологов, политологов, писателей и др. с античных времен и до наших дней. Большинство ученых, занимающихся проблемой власти, сходятся во мнении относительно того, что данный феномен, так или иначе, имеет антропологическую основу и связан с человеческой природой. К примеру, один из основателей философской антропологии Х. Плеснер так сформулировал эту взаимосвязь: «Вопросы власти существовали всегда, с тех самых пор, как люди

живут в системе, упорядоченно. Это лишь вопрос властвования или подчинения» [Цит. по.: 11, S. 33]. Другой немецкий философ Э. Шпрангер, представляя ту же точку зрения, подчеркивает, что «вся наша жизнь пронизана отношениями власти и соперничества... Каждый из нас в какой-то степени является центром власти и в то же время её объектом» [66, S. 212].

Таким образом, большинство ученых, которые посвятили себя исследованию данного феномена (Ф. Ницше, Я. Буркхардт, Х. Плеснер, Г. Моргентау, Х. Попитц и др.), едины в том, что все люди в этом мире наделены склонностью к власти. Сомнение вызывает лишь влияние данной склонности на человека – положительное или все же деструктивное. Юный Ницше, активно изучавший феномен власти, считал, что власть «зла сама по себе» [63, S. 278]. На формирование такого суждения Ницше повлиял швейцарский историк культуры Буркхардт, чьи лекции он посещал в 1870/71 годах. Буркхардт сравнивает власть с жадностью, с невосполнимой жаждой, в связи с чем делает вывод, что власть «несчастлива» сама по себе и делает несчастливыми других [17, S. 70]. Однако его понимание власти непосредственно связано с современной ему действительностью и политикой, проводимой великими державами (Германская империя, США, Италия). Именно такая, политическая власть и является, по его мнению, «злой».

Ненасытность как неотъемлемую часть власти, постоянное желание иметь больше выделял еще Фукидид в своей «Истории Пелопоннесской войны», а также известные исследователи власти Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Однако поздний Ницше уже совсем по-другому оценивает власть, считая, что всё хорошее связано именно с волей к власти: «Что есть счастье? ... Это ощущение того, что власть растет, что сопротивление будет преодолено. Не удовлетворение, а увеличение власти» [63, S. 1164].

В то же время важно отметить, что сам Ницше не относится к власти положительно, а скорее указывает на постоянное стремление человека к обладанию ею, которое и доставляет ему удовольствие. Он исключает тот факт, что власть «зла сама по себе», так как это утверждение Буркхардт привязывал к конкретной политической ситуации, а не к самому феномену. Ницше называет

власть основным побуждением человека (Grundtrieb), однако при этом считает, что она его «отупляет» («die Macht verdummt» [63, S. 983]) и является ужаснейшим из всех желаний человека.

Таким образом, суждение немецкого философа по поводу феномена власти нельзя назвать однозначным. Всё же, несмотря на это, именно Ницше сформулировал идею о воле к власти как основной побудительной силе человека, в которой преломляются уже все остальные человеческие стремления.

В свою очередь, Фрейд, который также занимался изучением данного феномена, не считает власть основным побуждением человека, который соответственно управляет всеми остальными, а относит её скорее к неполным инстинктам (Partialtrieb) [31, S. 217-272], которые сами по себе не способны удовлетворить человека. Так, являясь вторичным инстинктом, власть, по Фрейду, служит средством удовлетворения первичных инстинктов. Это значит, что власть, по мнению австрийского психолога, не управляет всеми стремлениями человека, как утверждал Ницше, а является лишь средством – к тому же, необязательным – для удовлетворения человеческих потребностей.

Наряду с учеными, которые изучают негативное влияние власти на человека, некоторые исследователи пытаются ответить на вопрос о привлекательности власти – почему же для многих людей она так притягательна? Так, французский философ эпохи Просвещения А. Гельвеций говорит о «любви к власти» [Цит. по.: 11, S. 48-49], объясняя данное явление тем, что с её помощью можно многого достичь в жизни. Власть представляет собой исключительно личный интерес и оправдывает себя тем, что она дает возможности для продвижения вперед.

Все вышеперечисленные утверждения, однако, относятся к властителям, к тем людям, которые стремятся к власти и хотят с её помощью достигнуть каких-либо успехов. Важно учитывать также роль исполнителей и причины, которыми они руководствуются при избрании данной роли. Что же их заставляет подчиняться? А. Гелен считает, что ими правит интерес к послушанию так же, как властителями правит интерес к порабощению [Цит. по.: 11, S. 50]. В то же время это послушание должно нести в себе выгоду для подчиненного, в

противном случае нарушится система отношений властитель-подчиненный. Подтверждая данную мысль, немецкий социолог Г. Зиммель объясняет эту выгоду желанием снять с себя чрезмерную ответственность: «Подчиненный извлекает выгоду, поскольку удовлетворяется его стремление к снятию ответственности; властитель извлекает выгоду, поскольку удовлетворяется его жажда власти» [65, S. 164]. Постоянная необходимость принимать решение является чересчур утомительной для человека, поэтому он ищет способ снять с себя это давление и находит его в подчинении.

При рассмотрении вопроса о воздействии властителей на подчиненных следует упомянуть еще одного известного немецкого социолога – Г. Попитца, которого в исследовании феномена власти больше всего удивляла та легкость, с какой подавляющее число людей готово исполнять волю властвующих, а также их беспрекословная подчиненность. Учитывая эту легкость повиновения и неисчерпаемость взаимоотношений властитель-подчиненный, Попитц делает вывод, что «власть вездесуща» («Macht ist omnipräsent») [57, S. 17], а это еще раз подчеркивает, что она регулирует человеческие отношения любого уровня. В таком случае, если рассматривать жизненный путь человека как череду взлетов и падений, успехов и неудач в противостоянии с другими людьми, то отдельно взятая биография будет представлять собой последовательность добровольных, выигранных или проигранных битв за власть [57, S. 16].

Анализируя влияние власти на человека, Попитц выделяет четыре формы власти, каждая из которых, так или иначе, присутствует во взаимоотношениях людей. Применение некоторых из выделенных Попитцом форм власти можно проследить на примере главных героев романа «Ослепление». Итак, Попитц предлагает следующую классификацию основных форм власти:

- 1) власть действия или власть ранения: «Люди могут осуществлять власть по отношению друг к другу, потому что они наделены возможностью ранить друг друга» [57, S. 24]. Данной формой власти теоретически наделен каждый из нас. Еще Гоббс в XVII веке утверждал, что даже самый слабый обладает достаточной силой и возможностью поразить более сильного,

либо коварством, либо в союзе с другими людьми [27, S. 94]. Типичным способом осуществления власти действия является, по мнению Попитца, физическое насилие;

- 2) инструментальная власть, возможностями которой наделен уже не каждый человек. Она подразумевает собой «умение дать и взять, распоряжение системой поощрения и наказания» [57, S. 26];
- 3) власть авторитетов, которая основывается на простом желании быть признанным другими людьми. Попитц подчеркивает глубину воздействия осуществления такой формы власти, так как зависимый от какого-либо авторитета человек перенимает все его мнения, суждения, систему ценностей, вследствие чего полностью теряет свою индивидуальность;
- 4) техническая власть: основанная на техническом прогрессе, она позволяют осуществлять власть в короткие сроки, на большом расстоянии и направлять ее на неизмеримое количество людей.

Таким образом, приведенные суждения по поводу власти позволяют сделать вывод, что данный феномен интересовал многие поколения ученых, однако важным остается определение того дискурса, в рамках которого о нем следует говорить. Несмотря на то, что некоторые исследователи связывают феномен власти с конкретными историческими и политическими деятелями и на основании этого оценивают его как исключительно разрушительную силу, большинство ученых, тем не менее, рассматривают феномен власти и на примере повседневной жизни обычных людей.

Первым, кто разграничил понятие власти как социологического явления и понятие господства как политического явления, был немецкий социолог и философ М. Вебер: «Власть означает возможность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению, и, невзирая на то, что является основой данной возможности» [74, S. 28]. Тем самым становится очевидным, что власть пронизывает человеческие взаимоотношения любого уровня, при этом, в отличие от господства, она не требует соблюдения законности. Из определения Вебера

следует также, что власть – это не то, чем можно обладать: «она возникает посредством совершения действия и продолжает быть к нему же привязанной» [11, S. 56].

Впрочем, Вебер не является новатором в определении власти как строго социологического понятия. При формировании данного суждения он опирался на мнения других исследователей, имена которых впоследствии были забыты. К примеру, немецкий экономист и социолог А. Шеффле намного раньше обозначил власть как способность «активно преодолевать социальные сопротивления» [Цит. по.: 11, S. 57]. Во многом ориентируясь именно на этого исследователя, Вебер предлагает, в конце концов, понимать власть как акт социального действия.

Аналогичной точки зрения относительно того, что в основе власти лежит действие, придерживается известный общественно-политический деятель, философ, политолог Х. Арендт. В одном из своих трудов «Ситуация человека» («The Human Condition», 1958) Арендт пишет: «Властью, по сути, никто не обладает, она возникает тогда, когда люди взаимодействуют друг с другом, и исчезает тогда, когда это взаимодействие прекращается» [12, S. 194]. Таким образом, Арендт, как и Вебер, считает, что власть – это не статичное понятие: она образуется только посредством человеческого действия и только в нем и благодаря ему продолжает существовать. Тем самым Арендт подчеркивает «потенциальный характер феномена», имея в виду то же самое, что Вебер понимал под «возможностью» власти.

Взяв за основу возникновения власти действие и взаимодействие людей, Арендт доказывает, что власть – это, прежде всего, социальный процесс. В таком случае можно сделать вывод, что одинокие люди, которые не имеют никаких социальных контактов и полностью лишают себя общения с другими людьми, не могут обладать властью по определению. Это вполне логичное утверждение воплощает в своем романе Канетти, рисуя образ одинокого ученого, которому только кажется, что он наделен властью в пределах своего дома. Однако стоит в его доме появиться другому человеку, а в данном случае – заинтересованному

человеку, как Петер Кин превращается из мнимого властителя в явного подчиненного.

Исследуя феномен власти Арендт называет различные способы её осуществления: сила убеждения, угроза, подкуп или насилие, последнее из которых она рассматривает более подробно. Насилием как элементом или, наоборот, вовсе не элементом власти интересовались многие социологи и философы. Большинство исследователей власти XX века придерживались мнения о том, что насилие является элементарной формой осуществления власти. Именно насилие назвал Попитц первой формой власти в своей классификации, говоря о «власти действия» или «власти ранения». Арендт же считает, что насилие не относится к власти. Тот, кто проявляет насилие, подтверждает тем самым своё бессилие, по мнению Арендт. Она утверждает полную несочетаемость власти и насилия: «власть больше всего выражена там, где она вовсе обходится без насилия и даже без угрозы насилия» [Цит. по.: 11, S. 97].

Другой немецкий социолог Н. Луман также утверждал, что насилие не является элементом власти, так как его применение приводит к краху власти [40, S. 119]. Как известно, существует множество различных методов осуществления власти, однако, применение насилия, по мнению Лумана, исключает все остальные (сила убеждения, лесть, подкуп и т.д.) и в результате приводит к постепенной потере власти. Так же, как и Арендт, Луман уверен, что власть тогда наиболее действенна, когда она вовсе обходится без насилия. При этом он добавляет, что наиболее крепкой власть будет в том случае, если на обладание ею не будут намеренно обращать внимание подчиненных. Как только её пытаются акцентуировать с целью подтвердить своё могущество, власть слабеет и, в конце концов, исчезает.

Главный герой романа «Ослепление» является своего рода примером такого обращения с властью. Пока он одинок, ему кажется, что он властвует в отведенном ему пространстве, хотя, по сути, его власть распространяется только на безмолвные книги. При появлении Терезы он сразу же намеренно указывает на то, что он является хозяином в этой квартире и что любое нарушение

установленных здесь порядков приведет к увольнению экономки. Впоследствии Кин всё больше и больше пытается показать Терезе, что власть в этой квартире принадлежит именно ему: то постоянным молчанием, то позволением прочесть одну книгу из библиотеки, то разрешением время от времени выражать Терезе свои мысли. Ученый старается вести себя, как человек, обладающий властью, но можно предположить, что согласно утверждению Лумана, власть Кина (если она у него когда-либо была) тем быстрее ослабевает, чем чаще он старается её продемонстрировать, как будто он сам начинает сомневаться в обладании ею.

Возвращаясь к вопросу о соотношенности власти и насилия, следует упомянуть одного из важнейших исследователей явления власти, французского философа и теоретика культуры М. Фуко, который наряду с Вебером, Попитцом и Арендт, связывает власть с действием, и потому не исключает, что насилие всё же является одним из инструментов функционирования власти [29, S. 255]. Поскольку он считает, что любая власть возникает из действия, то насилие, по его мнению, только расширяет спектр возможностей осуществления данного действия.

Особенно интересен способ, применяемый Фуко для исследования феномена власти. Пытаясь определить сущность власти, он рассматривает возможности сопротивления ей, ведь власть, по его мнению, совмещает в себе полюс приложения силы и полюс противостояния этой силе. Мысли ученого по поводу данного феномена оформлены во многих его работах, к примеру, «Надзирать и наказывать» (*Surveiller et punir: Naissance de la Prison*, 1975) «Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи» (1970-1984), «История безумия в классическую эпоху» (*Folie et Déraison. Histoire de la folie à l'âge Classique*, 1961), «История сексуальности» (, vol. 1 (1976), vol. 2 (1984), vol. 3 (1984) и т.д. Фуко уделяет внимание именно механизмам власти, способам и глубине их воздействия на «подчиненных». При этом важно отметить, что Фуко рассматривает власть на всех ее уровнях и микроуровнях, ведь термин «власть» применим не только к системе государства, властные отношения окружают нас повсюду, на что указывал также Попитц, говоря о «вездесущности» власти.

Под властью Фуко понимает не институт или учреждение, а «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации», «власть – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе» [93, с. 191-193].

Поскольку при исследовании власти Фуко пытается найти методы сопротивления ей, он изучает преимущественно такие социальные институты, как тюрьмы, клиники и психиатрические больницы. По мнению ученого, властные отношения «могут существовать только в силу многообразия точек сопротивления» [Цит. по.: 11, S. 107], которые представлены фигурами противников власти. В своей работе «Надзирать и наказывать» Фуко рассматривает различные формы контроля над заключенными, называя, однако, все современное общество «дисциплинарным обществом» [Цит. по.: 11, S. 109], которое живет в состоянии постоянного надзора. Так, на примере паноптикона, модели идеальной тюрьмы Иеремии Бентама, в которой надзиратель может наблюдать за всеми заключенными одновременно, Фуко исследует систему властных отношений в современном обществе. Паноптикон имеет цилиндрическую форму, в которой по кругу располагаются тюремные камеры, разделенные перегородками так, что заключенные не могут видеть находящегося в центре надзирателя. Таким образом, они живут в постоянном ощущении полного контроля их действий.

Паноптикон представляется Фуко идеальной моделью непрерывного контроля, однако он считает, что система надзора давно покинула пределы тюрьмы и распространилась на всё общество в целом. Конечно, современное общество едва ли можно назвать паноптиконом, так как в нем нельзя найти одну-единственную точку, откуда можно будет контролировать все происходящие в нем процессы. Тем не менее, по мнению Фуко, все люди живут внутри механизма «паноптической машины, которой мы сами управляем, каждый своим колесиком» [30, S. 279]. Впрочем, Фуко не указывает ту фигуру, которая руководит

всем этим механизмом и следит за тем, чтобы все колесики функционировали. В таком случае можно сделать предположение, что властные отношения для Фуко основывается исключительно на сопротивлении им, невзирая на фигуру властителя. В отличие от многих других исследователей, для Фуко важны методы сопротивления, а не порабощения.

В романе «Ослепление» привратник Бенедикт Пфафф воображает себя надзирателем своеобразного паноптикона в своем собственном доме. Он считает, что придумал отличную систему контроля над посетителями дома с целью ликвидировать непрошенных гостей, нищих и бродяг. Привратник устанавливает на своей двери глазок, который, однако, находится в самом низу двери, так, что увидеть можно только ноги жильцов. Посетители дома не только не видят «надзирателя», но даже не подозревают о его существовании, за исключением тех, кому пришлось пострадать от руки Пфаффа. Впрочем, он «наказывает» только слабых и нищих, иными словами, тех, кто ищет в доме тепло и ночлег. Нападать на людей, способных ответить ему, привратник не решается. Ему кажется, что он, обладая властью в этом доме, приносит пользу его жильцам, однако они, в отличие от заключенных паноптикона, не испытывают ни страха, ни ощущения контроля. Тем самым в образе Пфаффа представлено только лишь насилие, которое, как известно, является элементарной формой власти, неспособной обеспечить надёжное обладание ею.

Если учитывать суждение вышеназванных исследователей о власти как совершении некоего действия, то можно сказать, что Пфафф совершает лишь одно действие на протяжении всего романа – это изобретение глазка, если не считать действием постоянные избиения бродяг, жены, дочери, а затем Кина. Насилие является действием только в том случае, когда оно способствует удержанию власти или ее распространению. Пфафф же избивает тех людей, которые не представляют для него опасности и тем самым никак не могут лишить его даже той воображаемой власти, которой, как ему кажется, он обладает. Тем самым наличие у Пфаффа властных отношений с кем-либо из окружающих вызывает сомнение. Однако более детально данный вопрос будет рассмотрен далее.

2.2. Власть в трактовке автора романа «Ослепление» и теоретического труда «Масса и власть» Канетти

Канетти использует иные методы анализа феномена власти, хотя в некоторых аспектах он соглашается с вышеназванными философами и социологами или невольно, исходя из собственного опыта, приходит к аналогичным заключениям. В частности, австрийский писатель также занимается вопросом о взаимодействии «власти» и «насилия» и приходит к выводу, что власть может существовать и без насилия, однако там, где есть насилие, непременно будет присутствовать своего рода власть.

Насилие, по мнению Канетти, более принудительно и непосредственно, чем власть. Оно близко, ощутимо и, как правило, краткосрочно. Насилие представляет собой довольно ненадежную форму власти, потому что, как только жертва освобождается от него, она перестает находиться в зоне контроля «временного» субъекта власти. Такую форму власти Попитц поместил в начало своей классификации и назвал властью «ранения».

В случае, если субъект власти лишь на какое-то время отпускает жертву, создавая иллюзию освобождения, но сохраняя при этом возможность её контролировать, то он обладает властью над ней. Следовательно, по Канетти, если насилие не мимолетно, а длится долгий период времени, то оно становится властью.

Разницу между двумя видами насилия Канетти показывает на примере кошки и мыши [5, S. 323]. Поймавшая мышь кошка может проявить по отношению к ней насилие, пока добыча находится в её лапах. Однако, если кошка решит поиграть с мышью, она даст ей уйти и потому больше не сможет применить к ней насилие, но в любой момент сможет вернуть её назад. Из этого можно сделать вывод, что пространство, которое находится под властью кошки, надежда, которая дана мышью, контроль и желание уничтожить есть атрибуты власти.

В качестве подкрепления своих доводов по поводу власти Канетти часто приводит примеры из животного мира, считая, что власть, впрочем, как и масса, —

довольно древнее явление, которое проявляется практически на всех уровнях организации живой природы. Так, например, говоря о скорости как об одном из инструментов власти, Канетти демонстрирует её на примере волка и кошки. Скорость при обладании властью выражается либо в попытке догнать (*das Ereilen*), либо в попытке схватить (*das Ergreifen*) [5, S. 325-327]. В таком случае первому действию, по мнению автора «Ослепления», будет соответствовать волк и его возможности быстро догнать жертву, а второму – прыжок кошки, который происходит моментально с целью схватить добычу.

Скорость при попытке догнать похожа, как считает Канетти, на удар молнии. Раньше, по словам австрийского писателя, некоторые народы даже считали, что молния – это сверхприродный приказ, исходящий от бога, а, значит, если она настигает человека, то это следует воспринимать как должное. К слову сказать, связь смерти и власти была для Канетти чрезвычайно важна: смерть другого человека вызывает у выжившего чувство превосходства над умершими [58, S. 116]. Вследствие этого Канетти отдельно выделяет, кроме прочих, два вида масс: живые и мертвые.

В сферу же попытки схватить относится разоблачение (*die Entlarvung*). Чтобы воздействовать на жертву, оно должно произойти внезапно, как процесс снятия маски, под которой, прикрываясь добродетелью, находился враг.

Признаком власти или скорее проявлением желания ею завладеть может служить также обычный вопрос [5, S. 327-333]. Как правило, властью обладает тот, кто владеет информацией. Однако, как утверждает Канетти, более ловким властителем окажется такой человек, который сумеет задать правильные вопросы. Вследствие чего ответы, полученные на эти вопросы, превратят носителя информации в объект власти. Если человек делится с интересующимся известной ему информацией, он постепенно переходит «в подчинение» к своему собеседнику. Как только спрашиваемый выполнил свою миссию, ответил на вопрос, властитель перестаёт в нём нуждаться. Однако в случае, если носитель необходимой информации отказывается делиться ею, никак не реагируя на

собеседника и на его вопрос, то спрашивающий переходит в его власть. Он не может получить ответа на вопрос и добиться от собеседника того, что ему нужно.

Предположение Канетти о власти вопроса указывает на то, что мы сталкиваемся с властью ежедневно, сами того не замечая, ведь каждый из нас является носителем информации, которая может кому-то понадобиться. Тем не менее, в романе «Ослепление» ситуация, подобная описанной выше, когда главный герой не отвечает на вопрос прохожего, является примером довольно сомнительной власти и не делает профессора в наших глазах более влиятельным. Подробнее эта сцена будет рассмотрена ниже.

Наряду с обладанием властью вопроса некоторые люди претендуют на обладание властью суждения, которое в их руках превращается в осуждение. Унижая и осуждая других людей, они ощущают своё превосходство и потенциал властителя, способного повлиять на поведение окружающих [5, S. 341]. Человек со склонностью к осуждению делит знакомых ему людей на хороших и плохих; происходящие вокруг него события на правильные и неправильные; увиденные им фильмы на интересные и скучные; прочитанные книги на захватывающие и отталкивающие, заслуживающие внимания или непонятные и, следовательно, бесполезные и т. д. Любое же стремление к формированию массы будет свидетельствовать о внутреннем желании человека выделить себя на ее фоне, тем самым создавая впечатление, будто он, в свою очередь, обладает некоторым преимуществом по сравнению с остальными, иными словами, своего рода властью. При этом себя такой человек будет относить к тому меньшинству, которое отвечает его требованиям и взглядам на жизнь. Ярким примером такого поведения в романе «Ослепление» является не только главный герой, профессор Кин, презирающий всех вокруг себя, но в большей степени его экономка, Тереза, называемая «отребьем» (нем. *das Gesindel* [2, S. 28]), к примеру, тех, кто посещает церковь.

Как утверждает Канетти, чтобы удержать власть, нужно оставаться непонятым, загадочным, скрытным, одним словом, обладать некой тайной, неизвестной никому [5, S. 333-340]. Человек, чьи действия и слова окружены

тайной, остается непостижимым для окружающих, а, значит, всё более притягательным. На подобном типе власти, к примеру, основано в литературе обаяние байронического героя.

Опираясь на данное утверждение, Канетти выделяет два типа человека-властителя, окруженного тайной:

1. Знахарь (*der Mediziner*). Знахарь хорошо осведомлен обо всех процессах, происходящих в организме, но, прежде чем он будет непосредственно заниматься своей профессиональной деятельностью, он должен провести некоторые операции на самом себе. Всё, что он выяснит, будет известно ему одному. Только он будет обладать этой тайной, волшебным знанием. Всем остальным, однако, в связи с отсутствием тайной информации придется ему подчиняться.
2. Параноик (*der Paranoiker*). Параноик-властитель выберет себе нескольких людей для слежки. Каждому он расскажет то, чего не будет знать другой, чем вызовет зависть и конкуренцию между ними. Для того чтобы заручиться доверием и поддержкой своего властителя, каждый из них будет бережно хранить рассказанную ему тайну и следить за действиями других соратников властителя.

Помимо наличия тайны, которая в большей или меньшей степени может быть присуща любому человеку, а также властью (о)суждения, каждый из нас обладает властью прощения [5, S. 342-343]. Впрочем, по словам Канетти, действительный носитель власти никогда по-настоящему не прощает. Он делает это с целью подчинения. Человек, которого простили, начинает чувствовать себя обязанным своему «избавителю», и властитель использует это обстоятельство в свою пользу.

Помилование, в свою очередь, является еще более сильным актом подчинения. Считается, что у власти есть определенная граница, которую переступить уже невозможно: властитель не способен никаким приказом вернуть к жизни умерших. Однако при помиловании приговоренных к смерти кажется, что властитель смог переступить эту границу, так как он вернул человеку жизнь.

Помилованный чувствует себя еще более обязанным освободившему его властителю и оказывается полностью ему подчинен.

Осуществление же помилования, в отличие от прощения, невозможно без одного из неотъемлемых атрибутов власти – приказа. Приказ как явление, по мысли Канетти, появился раньше языка, так как животные хорошо подвержены дрессировке, то есть с легкостью распознают и выполняют приказы. Самая древняя форма воздействия приказа – это бегство. Более слабые животные бегут от более сильных, и в этом выражается исходящее от последних побуждение к бегству. В связи с этим Канетти приходит к выводу, что изначально существовал именно приказ к бегству (*der Fluchtbefehl*) [5, S. 347] между животными разных видов. Приказ являлся чем-то вроде смертного приговора, который и побуждал жертву к бегству. Система приказов у людей уже не предполагает бегство от смерти, но угроза невыполнения приказа и страх непослушания, тем не менее, остались.

Как пишет Канетти в работе «Масса и власть», существуют следующие основные характеристики приказа:

- приказ всегда является побуждением к действию;
- приказ не терпит противоречий;
- приказ воспринимается как нечто чужеродное (*etwas Fremdes*) и превосходящее тебя по силе (*etwas Stärkeres*);
- приказ состоит из побуждения (*der Antrieb*) и жала (*der Stachel*): побуждение заставляет выполнять приказ, а жало – это то, что остается в человеке после его выполнения.

Важно отметить, что с приказом связано ещё одно явление, которое Канетти именует боязнью отдавать приказ (*Befehlsangst*) [5, S. 353]. Человек, который отдает приказы другому на протяжении длительного времени, в какой-то момент может получить «сдачу» с его стороны (*der Rückstoß*). В таком случае у отдающего приказы может возникнуть боязнь делать это вновь, если ответный удар был достаточно сильным и представляющим опасность.

Следует различать приказ одному человеку и приказ, направленный сразу на многих людей [5, S. 354-357]. Последний вызывает страх у всех членов массы (Massenangst), так как они начинают бояться одного человека. Таким видом запугивания раньше были жертвоприношения божеству, которое, по мнению массы, должно было за это послать им хорошую погоду, урожай, прощение за грехи или что-либо иное. Приказ, предназначенный сразу для нескольких людей, служит именно для того, чтобы образовать массу, которая из боязни наказания готова беспрекословно его выполнить.

Избавление от «жала» или уклонение от его получения – это еще одна проблема, которой писатель занимается в своей работе [5, S. 369-378]. Канетти подчеркивает, что «жало» остается только от выполненного приказа. Однако получения «жала» можно избежать, не расслышав или не поняв приказ, просто не выполнив его или выполнив его полную противоположность. Такой способ поведения Канетти называет негативизмом (der Negativismus) и утверждает, что часто такое происходит с шизофрениками. Временами негативизм у шизофреников сменяется приступами раболепия (die Servilität), когда, наоборот, они начинают выполнять всё, что им говорят. Однако такого рода реакции на приказы можно встретить и у других людей. К примеру, солдат находится в состоянии негативизма, когда стоит на посту и ни при каких обстоятельствах не может его покинуть. Только приказ его непосредственного начальника может заставить его при необходимости на время покинуть пост. Если же вдруг этому солдату поступит приказ от вышестоящей инстанции, то он перейдет в состояние раболепия, и, несмотря на данный ему ранее строгий приказ, нарушит его и будет действовать согласно новому приказу.

Находясь в состоянии негативизма, шизофреник ведет себя как член массы, для которой разрядка является избавлением от накопленного элемента «жала». В массе все едины и никто никому не может приказывать. При разрядке в массе происходит освобождение от груза дистанции, после чего каждый начинает чувствовать себя свободным и равным другому. Исходя из этого, можно сделать вывод, что при негативизме шизофреник чувствует временное облегчение от

«жала» приказов, но затем снова наступают приступы раболепия, в результате которого накапливается новая «порция» «жала».

Исходя из выделенных автором «Ослепления» атрибутов власти, можно сделать вывод, что власть действительно проникает во все сферы нашей жизни. Канетти демонстрирует, что в некоторых случаях человек может даже не намеренно, а на подсознательном уровне стремиться к власти, к возвышению себя над другими. Данное утверждение, возможно, помимо воли Канетти, сближает его с Фрейдом, который относит власть к «тёмным», разрушительным инстинктам человека, управляющих им на подсознательном уровне, но не приносящих окончательного удовлетворения.

Подытожив все представленные мнения относительно власти, можно с уверенностью сказать, что проблема исследования данного феномена не теряет актуальности и продолжает занимать философов, социологов, культурологов, писателей и любых других заинтересованных в изучении данного феномена людей. Если одни ученые связывают феномен власти непосредственно с государством, с политикой, с известными и влиятельными людьми, то уже в XIX веке, а в XX - в полной мере происходит «разгосударствление понятия власти» (*Entstaatlichung des Machtbegriffs*) [11, S. 106], вследствие чего, к примеру, Маркс демонстрирует зависимость власти от капитала, Ницше – от собственной воли, а Фуко говорит о стремлении к иному рода власти – власти к знанию. Так, и Канетти, по моему мнению, в своем романе «Ослепление», а затем более подробно в эссе «Масса и власть» показывает наличие власти также и на бытовом уровне, которая может оказать на человека не менее разрушительное воздействие, чем власть высшего уровня – правителя и подчиненных.

2.3. Интерпретация феномена власти в романе Канетти «Ослепление»

Феномены массы и власти интересовали Канетти на протяжении всей его жизни, поэтому эссе «Масса и власть» можно назвать наиболее значимым трудом в его творчестве, так как в нем отразились материалы, опыты и наблюдения, проводимые и обрабатываемые Канетти в течение более чем тридцати лет.

Однако зачатки будущего теоретического труда заметны уже в его первом и единственном романе «Ослепление». Ряд ученых, занимавшихся исследованием творчества Канетти (Диссингер, Штрукен, У. Стюарт), утверждают, что в романе австрийского писателя можно обнаружить существенные положения относительно вышеназванных феноменов, которые он впоследствии оформит в «Массе и власти».

Роман «Ослепление» можно назвать гиперболизированным примером проявления различных видов власти на бытовом уровне, когда речь идет не о великих вождях и огромном количестве их приверженцев, а об обычных, на первый взгляд, ничем не примечательных людях.

Главный герой романа Петер Кин – ученый-одиночка, не требующий от жизни ничего, кроме книг и спокойствия, позволяющего ему посвящать всего себя скрупулезным научным штудиям. Он чрезвычайно замкнутый человек, относящийся к людям свысока, предпочитающий свою библиотеку их обществу, избегающий общения без какой-либо конкретной необходимости; синолог, полностью преданный своей работе; механизм, живущий по четко установленному расписанию. На первый взгляд может показаться, что перед нами уверенный в себе, авторитетный и, безусловно, властный человек. Таким и предстает ученый-синолог Петер Кин на первых страницах романа.

Уже в первой сцене романа Петер Кин представляется нам человеком незаурядного ума, авторитетным и уверенным. Он заговаривает с мальчиком, увлеченно рассматривающим витрину книжного магазина, и предлагает ему посетить свою библиотеку, одну из самых значительных в Вене, а затем жалеет об этом и приказывает экономке прогнать мальчика, потому что не хочет превращать свою дорогую библиотеку в развлечение для детей. Впоследствии этот дружелюбный диалог, состоявшийся в самом начале романа, главным героем которого является замкнутый, ненавидящий людей человек, покажется читателю очевидным проявлением иронии со стороны автора «Ослепления» [20, S. 83]. Выбор Канетти данной сцены для начала своего романа, бесспорно, интересен и вызывает споры у исследователей. К примеру, Чан Яао-Чин в своей работе

утверждает, что синолог видит в мальчике конкурента, поэтому задает ему вопросы с целью проверить свои опасения [20, S. 84]. В свою очередь, немецкий социолог и культуролог Б. Виддиг уверен, что Кин испытывает к мальчику симпатию, обнаружив у него такой же интерес к книгам, какой имел место у самого профессора в детстве [75, S. 193]. По мнению Виддига, профессор чувствует в юном Франце Метцгере своего потенциального преемника, однако, уже впустив в свою библиотеку Терезу, которая вначале проявляла заботу о книгах и интерес к ним, Кин прогоняет мальчика.

В научных кругах Петер Кин является признанным и уважаемым ученым, которого неизменно приглашают на научные конгрессы, интересуются его личностью, однако в самый последний момент он, как правило, отказывается от участия в публичных мероприятиях. Опираясь на отмеченную выше важность аспекта «тайны» для феномена власти, можно предположить, что ученый, ни разу не появившийся ни на одном научном конгрессе или симпозиуме и при этом продолжающий привлекать внимание своих коллег, явно обладает некой властной силой, которая позволяет ему владеть умами научного сообщества даже на расстоянии.

Впрочем, впоследствии, по мере раскрытия характера Петера Кина с разных сторон, мы убеждаемся в том, что человек, выставляющий беззащитного мальчика за дверь, к тому же «руками» экономки, и отказывающийся от участия в работе научных конгрессов, лишь потому и сторонится любого общества, что не может найти с людьми общего языка, что вряд ли позволяет характеризовать его как властную личность. При этом желание ученых увидеть известного синоведа, который, несомненно, внес весомый вклад в развитие науки, можно объяснить праздным интересом. Подлинный властитель вынужден постоянно и сознательно поддерживать интерес и уважение к своей персоне, чтобы не потерять занимаемой позиции.

Характеристика героя на первых страницах романа, несмотря на его отталкивающее поведение, все же заставляет читателей поверить в то, что перед ними пусть и сумасшедший, но, тем не менее, довольно авторитетный и даже

властный человек, известный ученый, владеющий солидной библиотекой, которую он не может доверить заурядным людям. Именно поэтому синолог устраивает строгий отбор претенденток на должность экономки в его доме, затем устанавливает не менее строгие правила для отобранной им Терезы Крумбхольц, которые она не смеет нарушать, а также позволяет себе достаточно вызывающую манеру общения с другими людьми.

Иллюстрацией данной манеры является короткий диалог с прохожим во время плановой прогулки ученого. Услышав обычный вопрос «Простите, пожалуйста, не скажете ли вы мне, где здесь Мутштрассе?» [6, с. 38], Кин ничего не отвечает. Казалось бы, такая реакция вполне отвечает утверждению Канетти о вопросе как способе вторжения. Ведь человек, обладающий информацией, как известно, должен тщательно следить за тем, чтобы её не потерять. Следовательно, Кин поступает именно так не только из пренебрежения к людям, но и в целях сохранения своей властной позиции. Однако абсурдность данной ситуации заключается в том, что знание, где находится необходимая прохожему улица, не является настолько ценным, чтобы нельзя было им поделиться, ведь прохожий может узнать это у любого другого человека. К тому же информация о необходимой прохожему улице не является настолько важной, чтобы вербализация этого знания и передача его другому человеку могла сулить опасность настоящему властителю.

Таким образом, диалог Кина с прохожим, а точнее его отсутствие, можно только с формальной точки зрения назвать проявлением властного характера героя. Как, впрочем, и наличие тайны, которая для Канетти является неотъемлемым атрибутом власти. Вначале Кин действительно вызывает неподдельный интерес у своей экономки. В его четком расписании она ищет какую-то тайну, а именно: она не понимает, к примеру, что он делает в период с четверти седьмого до семи утра в своей комнате; его поведение в кабинете также вызывает недоумение у экономки: почему, расхаживая по комнате, он никогда не пересекает ее [6, с. 57]. Впрочем, этот интерес вполне легко объясним: Тереза – это алчная натура, которую в жизни привлекают, прежде всего, деньги. Именно

поэтому человек, живущий один и владеющий огромной библиотекой, так занимает её мысли: откуда у Кина деньги? Неужели книги могут позволить человеку заработать приличное состояние?

Именно непроясненность (с точки зрения Терезы) ситуации и позволяет Кину на какое-то время сохранить позицию скорее собственника, но никак не властителя. Впоследствии же оказывается, что Тереза только временно пребывает в состоянии потерянности и непонимания, ведь она – хороший стратег, который умеет выжидать и наблюдать за «жертвой». Героиня пытается завладеть доверием Кина, ведет себя сдержанно и спокойно, не дает себя в чем-либо упрекнуть. Читатель определенно замечает в Терезе властные амбиции и интенции.

Во-первых, её выдержка и терпение, с какими она ждет подходящего момента, чтобы разоблачить профессора и напасть на него. Можно даже сказать, что в некоторой мере Тереза совмещает в себе и *das Egreifen* (попытку догнать), и *das Ergreifen* (попытку схватить). Ведь сначала она действует медленно и осторожно, а затем внезапно и стремительно, что в конце концов позволяет ей совершить разоблачение (*die Entlarvung*), однако она не находит под маской того, кого ожидала там увидеть: в действительности её муж не обладает несметным богатством, он на самом деле увлекается только лишь книгами, а, следовательно, не сможет стать источником её материального процветания.

Во-вторых, в её речах, которые можно назвать скорее монологичными, так как довольно часто они не обращены ни к кому из собеседников, прослеживается стремление к осуждению людей и тем самым разделению их на массы (что уже упоминалось во втором разделе при рассмотрении власти осуждения). Так, во многих монологах Терезы можно заметить оппозицию Я – Другие.

И, наконец, в-третьих очевидно, что не только профессор представляет некую тайну для Терезы, но и экономка, в свою очередь, также загадочна для сиолога: «её сверлящий, вечный интерес к деньгам, напротив задавал ему загадки. Деньги были самым безличным, самым незначительным, самым бесцветным, что он мог представить себе» [6, с. 146]. Кин не может найти объяснение алчности Терезы, её интереса к деньгам, потому что он сам не видит

в деньгах никакой ценности. Однако, в отличие от Терезы, он не пытается разгадать эту тайну, найти ей объяснение, которое либо удовлетворит его любопытство, либо разочарует. Всему необъяснимому в своей жизни, тому, что не попадает в установленные им рамки приличия, правильности, он отводит определенное место: синолог называет свою экономку сумасшедшей и тем остается удовлетворен.

С одной стороны, можно сказать, что Кин в данной ситуации ведет себя даже более властно, не обращая внимания на то, что ему не нужно, но с другой стороны, как окажется впоследствии, эта невнимательность будет стоить ему потери библиотеки, дома, а затем и собственной жизни.

Несмотря на то, что на первых страницах романа Тереза кажется нам, пусть и довольно ограниченной, однако при этом целеустремленной личностью, затем оказывается, что она все же уязвима. У экономки также есть Ахиллесова пята, которую даже легче обнаружить, чем слабое место профессора. В данном случае речь идет даже не о разочаровании по поводу богатства Кина, которое затем заставит её совершать опрометчивые, необдуманные поступки и приведет к пренебрежению стратегическим планом, что выльется в хаотичное поведение и применение насилия. Помимо денег, Терезу может покорить мужское внимание. Во время покупки новой мебели для квартиры Терезе начинает казаться, что ей оказывает особое внимание продавец этого магазина по фамилии Груб (нем. Grob – грубый). Тот же, в свою очередь, замечает, что при помощи комплиментов сможет удержать клиентку и заставить её купить мебель именно у них в магазине, к тому же еще и подороже. Поэтому Груб намеренно соблюдает правила игры до тех пор, пока она не закончится его победой. Он осыпает малоприятную ему женщину комплиментами относительно её молодости и красоты (во что Тереза начинает искренне верить), делает ей недвусмысленные намеки и дает обещания, которые не собирается исполнять. Тереза же, несмотря на то, что верит в свою красоту и способность покорить молодого мужчину, использует единственный метод удержания Груба – деньги. Она выражает готовность оплатить свой выбор в мебельном магазине в обмен на предварительный поход в ресторан с Грубом, на

что он и соглашается. Однако экономка не догадывается, что после покупки мебели учтливое поведение Груба кардинально изменится, и продолжает верить в возможное существование в будущем магазина «Груб и Жена».

Данная ситуация доказывает, что бдительность Терезы можно усыпить как деньгами, так и учтливými комплиментами, однако Кин придерживается своего привычного поведения даже при возникновении опасности с её стороны. Впрочем, взаимоотношения Терезы и Петера можно охарактеризовать как постоянно меняющиеся, представляющие в некотором смысле перетягивание каната. Как Кин, так и Тереза имеют слабые места, которые в некоторых случаях не дают им сохранять завоеванные позиции.

Так, к примеру, Тереза даже после раскрытия тайны своего мужа и «захвата» его территории частично продолжает находиться в его власти, когда дело касается денег: «иногда он говорил какую-нибудь фразу, его фразы были редки. Она боялась каждой, как смертного приговора. Если бы он говорил больше, ее страх распался бы на тысячи маленьких страхов» [6, с. 169].

Тереза хочет получить от своего мужа завещание, поэтому внимательно прислушивается к его речам (хоть на самом деле и не слышит их) и выполняет то, что он говорит. Кин же, в свою очередь, не замечает этого и не пользуется данной ситуацией намеренно, надеясь, наоборот, получить от Терезы её завещание для расширения своей библиотеки. В то же время он сохраняет уверенность в том, что только он обладает властью над Терезой, поэтому превратно понимает поступки своей экономки как попытки заполучить его любовь: «В его власти одна человеческая жизнь. Он может отравить и сократить последние годы жизни этому жалкому существу, чахнувшему от любви к нему.... Он ценит её верность. Она делает всё, что в её ограниченной власти» [6, с. 161].

Кин считает себя властителем даже тогда, когда его унижают, бьют и выгоняют из дома. Профессор задумывается не над тем, как он мог такое допустить, а над тем, как Тереза могла позволить себе ударить известного сиолога: «Она осмелилась дотронуться до него, словно он обыкновенный человек» [6, с. 205].

Не только недвусмысленное поведение Терезы могло натолкнуть профессора на попытки действовать против нее, чтобы избежать опасности, но также и его сон, который, на мой взгляд, является сценой, символически релевантной для всего романа: «около шести часов утра он задремал; в то время, когда он обычно вставал, ему снилось гигантское библиотечное здание, построенное вместо обсерватории у кратера Везувия. Дрожа от страха, он ходил по этому зданию и ждал извержения вулкана, которое должно было произойти через восемь минут» [6, с. 186].

Во-первых, он впервые нарушает свой привычный распорядок дня и засыпает «около шести часов утра» вместо того, чтобы в это время встать, умыться, совершить прогулку и приступить к работе. Во-вторых, расположение библиотеки у кратера Везувия, которое сулит ей уничтожение в любой момент, является прямой отсылкой к завершающему роман событию – сжиганию библиотеки синологом. Извержение вулкана должно произойти через восемь минут, и ровно восемь лет экономка работала у профессора, прежде чем начать «атакующие» действия. Впрочем, и со своим братом синолог не общается уже восемь лет. Наконец, поведение синолога во сне, который дрожа от страха ходит по этому зданию и ждёт своей участи, свидетельствует о его покорности и примирении с уготовленной ему судьбой.

Казалось бы, будучи в конце концов изгнанным из своего собственного дома, Кин начнет предпринимать решительные действия для того, чтобы отвоевать свою библиотеку у Терезы и выгнать врага из дома. Впрочем, по мере развития сюжета перед нами открываются различные степени бессилия главного героя. Более того, его собственные детские воспоминания указывают на то, что он привык падать и нисколько не переживает по этому поводу: «на уроках гимнастики он регулярно падал с турника.... Ему без конца ставили подножки, и он добросовестно спотыкался... Вся его жизнь была непрерывной цепью падений. От них он оправлялся, от личной боли он не страдал» [6, с. 149].

Каждый, кто встречается у него на пути, использует профессора в своих целях. К тому же, удивительно, что известный ученый, который раньше

сторонился любого общества и смотрел на «обычных» людей свысока, находит, как ему кажется, родственную душу в одном из посетителей забегаловки под названием «У идеального неба». Родственной душой оказывается неприятный горбун Фишерле, одержимый идеей обыграть чемпиона мира по шахматам, уехать в Америку и жить, ни в чем себе не отказывая. Уже при первой встрече с карликом Кин позволяет обращаться с собой неучтиво, бить себя, что он примечательным образом терпеливо сносит [6, с. 224].

В Кине Фишерле видит источник средств, который мог бы способствовать осуществлению его идеи. В этом смысле интерес его к Кину вполне меркантилен и сродни интересу Терезы. Однако можно с уверенностью сказать, что Фишерле, в отличие от Терезы, представляет собой носителя власти, а не насилия, ведь, сумев получить доверие и благосклонность Кина, он продолжает действовать осторожно, чтобы в итоге добиться желаемого.

Несмотря на своё отношение к профессору, он понимает, что имеет значение для Кина, и использует данное знание себе на пользу. Так, к примеру, Фишерле приводит Кина в ломбард Терезианум, куда, помимо всего прочего, сдают и книги, для того чтобы одержимый профессор отдал все свои сбережения на спасение книг. На самом же деле, он сам поставляет Кину людей, собирающихся сдавать книги: «Фишерле не упускал его из виду... Он боялся появления незнакомых закладчиков и подгонял Кина движением рук и носа. В его медлительности он видел гарантию собственной будущности» [6, с. 302].

Несомненно, в Фишерле также присутствуют формальные задатки властителя, которые в некоторой степени роднят его даже с главным героем. Так же, как и профессор, Фишерле одержим любимым делом – игрой в шахматы. Он посвящает этому почти все свое время, а в остальное – мечтает о том, как станет лучшим шахматистом в мире, добьется успеха и победит чемпиона мира. Карлик совсем не похож на Терезу, он не живет постоянными мыслями о деньгах, ведь деньги для него – это средство для достижения цели, но не сама цель. Можно возразить, что он, как и Тереза, использует несчастного ученого, чтобы получить

желаемое, однако Фишерле все же более деликатно подходит к проблемам Кина и, в отличие от экономки, понимает, что для профессора важно.

Как уже было сказано, Фишерле в некотором роде напоминает профессора, и это проявляется в его образе жизни, одержимости своей «профессией» и степени отдачи, с какой он посвящает себя шахматам. Фишерле мечтает «о такой жизни, когда с едой и сном можно будет управляться во время ходов противника» [6, с. 226], что невольно напоминает нам отношение Кина к еде и сну как вещам необходимым, но отнимающим у него время, которое можно было бы потратить на работу. Как и профессор, Фишерле женат на женщине, которую не любит. Жена карлика является единственным источником дохода в их семье, поэтому она для него важна. Можно сказать, что и Петер Кин женится по необходимости: он думает, что таким образом сможет отблагодарить женщину, которая, как ему казалось, уже восемь лет с такой любовью заботится о его книгах. К слову сказать, таинственный клиент, который навещает жену Фишерле и от которого они получают основной доход, приходит к ней также на протяжении восьми лет, по истечении которых он убивает Фишерле как раз перед самым его «освобождением» и осуществлением мечты.

Горбун, как и профессор, считает себя довольно властным человеком, однако вся его власть и уверенность проявляется в основном в его фантазиях, снах и представлениях: «Противником он сажает перед собой чемпиона мира. Ему он гордо диктует ходы. Немного удивившись покорности, которую он встречает, он заменяет старого чемпиона мира новым; тот тоже терпеливо сносит его помыкания» [6, с. 249]. Конечно, сама игра в шахматы, где он управляет фигурами, дает ему почувствовать себя командиром, который повелевает своей «армией»: «Стоит ему только повести бровью, и его рабы движутся туда, куда он хочет поставить их» [6, с. 254].

Как и профессор, карлик считает остальных людей глупыми, но сказать им об этом ему хватает духу опять же только в своих фантазиях: «Затем он все-таки поспешил, этот тип мог, чего доброго, не понять шутки. В ближайшем переулке он всласть посмеялся над тем, что все люди такие глупые» [6, с. 413-414]. В

какой-то момент Фишерле начинает чувствовать себя и в реальности властителем, когда ставит себя на место работодателя (каким был также и Кин, когда выбирал для себя экономку) и берет на работу «слепого», лоточника, ассенизатора и Фишершу для осуществления своего плана [58, S. 124].

Немецкий литературовед Н. Риднер в своей работе, посвященной анализу фигуры Фишерле, говорит о том, что еще при знакомстве с профессором карлик, обыгрывая семиотику своей фамилии, сам инстинктивно характеризует их взаимоотношения как взаимоотношения охотника и пойманной жертвы: «Я рыболов, он — моя рыбка!» [6, с. 224] (нем. Fischer und Fisch) [58, S. 123].

Кроме этого, Риднер подчеркивает, что стремление Фишерле завладеть деньгами профессора, то есть его алчность связана скорее с поисками своей новой индивидуальности, которую он напрямую связывает с национальной принадлежностью шахматиста и историей его народа. Раньше для евреев наличие денег значило спасение или как минимум надежду на него. Обладание имуществом было равносильно для них существованию [58, S. 57-58]. Храня в памяти историю бедности своего народа, в которой еврейство пребывало на протяжении долгого периода времени, евреи до сих пор ищут защиту для своих семей посредством достижения экономического успеха [60, S. 144]. Именно поэтому, по мнению Риднера, Фишерле стремится от общения с Кином получить деньги, которые вселят ему уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, Фишерле, в отличие от Терезы, действует осторожно и продуманно и, в конце концов, добивается своей цели, то есть получает от Кина необходимую сумму на фальшивые документы, билет до Америки и представительный костюм, однако нелепая смерть горбуна не даёт его планам реализоваться. К тому же нельзя сказать, что Фишерле совсем безразличен к судьбе Кина: после проведенных в свою пользу махинаций он отправляет брату профессора телеграмму, чтобы тот приехал и спас Кина от нападков Терезы и Пфаффа.

Абсолютно иначе ведет себя привратник дома номер 24 на Ерлихштрассе Бенедикт Пфафф. Он представляет исключительно сторону насилия в романе,

потому что оно, в первую очередь, доставляет ему удовольствие, а потом уже, как ему кажется, является гарантом власти в его руках. По сути, Пфафф применяет насилие к людям, которые являются слабее него и потому не могут предпринять ответные шаги. Если Тереза, к примеру, бьёт своего мужа в случае отчаяния и безысходности, то для привратника избиение – это и есть цель, для него не существует других методов осуществления власти: «Бить — это, скажу я, искусство. Этому надо учиться. Один мой коллега, знаете, бьет сразу в живот. Человек падает без сознания и ничего уже не чувствует... Ну, говорю я, а что мне за радость, если тот ничего не чувствует» [6, с. 148]. В случае Терезы рукоприкладство по отношению к мужу – это скорее временные вспышки насилия, связанные с «перманентным недовольством, которое иногда бесконтрольно вырывалось из неё, если был превышен какой-то определенный предел» [49, S. 65].

На протяжении всей своей жизни привратник мучает и регулярно избивает сначала свою жену, затем дочь. Несмотря на то, что все жильцы дома ненавидят Пфаффа, в одном они все же сочувствуют ему: в том, что он живет со старой женой, которая, однако, на восемь лет моложе его, о чем они и не догадываются [6, с. 457].

Жена привратника является своего рода барьером между ним и дочерью, и, когда она умирает, он получает возможность беспрепятственно вымещать свой пыл на Анне, своей дочери. Для Пфаффа Анна – это объект применения его взглядов на жизнь, его методики «ведения борьбы» с нежелательными посетителями дома, его боец и одновременно жертва. Привратник даже даёт ей другое имя, потому что имя Анна не значит для него ничего, а Поли, как он её называет, является сокращением от слова «полиция», которая имеет для него уже весомое значение.

Счастливыми для Анны становятся те сорок минут, которые отец ей выделяет для похода в магазин. Именно там она знакомится с продавцом, подарившим ей сигарету на память, которую она заворачивает в пакет и носит «на

том единственном месте своего тела, которым никогда не интересовался отец, – у сердца, под левой грудью» [6, с. 459].

Сам привратник дает себе наиболее подходящую характеристику: «Рыжий кот! Во-первых, потому что я отличаюсь этой редкой мастью, а кроме того, я все вижу в темноте! У хищников-кошек это обычное дело!» [6, с. 473]. В связи с этим следует вспомнить пример Канетти из эссе «Масса и власть», который он использует для демонстрации различия власти и насилия. Кошка может с легкостью, молниеносно поймать мышь и держать её в своих лапах, сколько захочет. Она также может мучить свою добычу, терзать, играть с ней и не отпускать. Даже в том случае, если кошка отпустит мышь, но будет держать её на необходимом расстоянии, достаточном для контроля, жертва будет продолжать находиться в её власти.

На первый взгляд может показаться, что в ситуации с привратником и его дочерью всё так и есть: он – кошка, Анна – его жертва, с которой он делает всё, что захочет. Однако оставаясь до самой своей смерти рядом с отцом, Анна, тем не менее, в определенный момент перестает быть его жертвой, в некоторой степени даже подчинив его себе. Этим моментом является побег её возлюбленного Франца, который скрывается после совершения кражи в магазине. Узнав об этом, Анна падает в обморок, когда возвращается обратно из магазина. Тогда её отец, испугавшись вероятности потерять свою жертву, начинает её обыскивать: «впервые он прикасался к ней пальцами, а не кулаками» [6, с. 467]. Очнувшись, дочь отталкивает его и кричит, что её зовут Анна, а не Поли.

Данная сцена является в некотором роде переломной в судьбе Анны, так как она в первый раз за много лет оказывает сопротивление отцу и высказывает своё собственное мнение. Следовательно, выпустив жертву даже на небольшое расстояние, Пфафф не сумел сохранить свою власть.

В организации их образа жизни после этого мало что меняется: Анна продолжает готовить для своего отца, выполнять хозяйственные работы, Пфафф продолжает её избивать. Однако она больше не боится отца, его побои не значат для нее ничего. Можно даже сказать, что своим безразличием она в большей

степени подчиняет себе отца, потому что он каждый раз предпринимает попытки привлечь её внимание какими-либо другими способами, так как насилие теперь не является гарантом его власти: «ему недоставало её ужаса» [6, с. 469]. Анна же относится с презрением и к своему отцу, и к его изобретению, к которому он безрезультатно стремится вернуть её интерес. Даже после покупки канареек, благодаря или скорее посредством щебетанья которых Пфафф пытается повлиять на свою дочь, Анна остаётся невозмутимой.

Потеряв свою жертву, Пфафф вскоре переключается на Кина и под предлогом оказания ему помощи, приводит его в свой дом: «поскольку она [Анна] умерла, профессор должен был заменить её» [6, с. 471]. Испугавшись, что профессор расскажет полиции (что он вовсе не намеревался делать) о насильственной смерти жены и дочери, привратник забирает его из полицейского участка к себе домой. Сначала он показывает ученому своё изобретение – дверной замок, в который можно увидеть только ноги прохожих, а затем, будучи оскорбленным дерзкими ответами увлеченного необычным изобретением профессора, Пфафф начинает бить Кина. Всегда, когда он не получает от Кина того, чего хочет, Пфафф применяет силу. Так продолжается до тех пор, пока профессора не спасает откликнувшийся на телеграмму Фишерле Георг Кин.

Таким образом, если распределить героев романа по шкале «властности», то Бенедикт Пфафф будет находиться скорее на низшей ступени. Человека, погубившего жену и дочь и демонстрирующего свою власть только перед слабыми людьми, едва ли можно назвать властным. Кроме того, в конце романа привратник показывает себя откровенно трусливым человеком, когда Георг приказывает ему покинуть дом 24 на Эрлихштрассе в обмен на зоологический магазин или цирк, где он сможет ежедневно приказывать и направлять свои властные устремления на животных: «Рожденный атлетом, он ежедневно создавал себе цирк» [6, с. 354].

Особняком в романе стоит брат главного героя, владелец психиатрической клиники, в прошлом преуспевающий врач в области гинекологии Георг Кин. Впрочем, довольно часто фигуры Георга Кина и Фишерле объединяют в одну

группу [49, S. 64], утверждая, что они оба являются представителями власти в романе, однако, по моему мнению, Георг оказывается наиболее опасной личностью для брата.

Между двумя братьями с детства имеет место противостояние, причем именно Георг поддерживает его и испытывает зависть или даже презрение по отношению к брату, Петер же скорее относится к нему с безразличием. Так, в детстве маленький Петер страдает от кори, вследствие чего на какое-то время он теряет способность видеть и потому боится ослепнуть: «тут страшный голос в соседней комнате застонал и закричал: «Я слепой! Я слепой!» [6, с. 514]. Однако Георг не признаёт в этом человеке брата, считает его чужим и не хочет делить с ним мать. Уже эта сцена указывает на какую-то странную отчужденность двух братьев друг от друга, так как имеется в виду не столько здоровая борьба за первенство, какая бывает между братьями, а скорее неприязнь.

Противостояние между Кинами довольно ярко характеризует сон Георга о двух петухах [6, с. 517] – большом, «красном и слабом», и маленьком, «холеном и хитром». Между петухами происходит бой, в результате которого маленький побеждает большого и улетает. Сны в романе «Ослепление» в большинстве случаев имеют пророческое значение, как это было, к примеру, со сном Петера Кина. Так и этот сон – проекция будущих событий: Георг победит Петера и улетит в Париж, а Петер затем сожжет свою библиотеку вместе с самим собой: «Красный петух остался. Он становился все больше. Его яркость увеличивалась вместе с ним» [6, с. 518].

Георг презирает брата за его одержимость и верность выбранной профессии, за то, что Петер стал знаменитым и признанным ученым, вовсе не добиваясь этого. Петер же презирает брата за слабость его характера, за то, что он изменил своей профессии и «открыто переметнулся к психиатрии. Там он будто бы чего-то достиг» [6, с. 77].

В долгом разговоре двух братьев, который является наиболее релевантным для анализа противостояния Кинов и последующей развязки романа, Георг напрямую заявляет, что его брат достоин зависти. Однако он делает это скорее из

своего стремления к властвованию: как психиатр, Георг чувствует, что нужно сказать безумцу, чтобы расположить его к себе. Впрочем, Петер до последнего противостоит этим уловкам и вовсе не считает себя сумасшедшим: «ты же видишь, что я не сумасшедший, у меня нет даже заскоков» [6, с. 549].

Впрочем, именно в этой сцене синолог позволяет себе долгие и длинные речи, чего раньше всячески избегал. Петер пытается что-то объяснить, доказать брату, в некоторых случаях даже как-то оправдаться, а Георг, в свою очередь, провоцирует его на поддержание диалога с ним. Таким образом, почувствовав, наконец, в себе власть повлиять на брата, отомстить ему, Георг пытается восстановить свое задетое самолюбие.

Георг уже давно находится в тени брата, в тени знаменитого ученого, добившегося успеха в своей специальности: «Ты должен признать, что натуры с подобной силой воли встречаются редко, до печального редко. Откуда взяться двум сразу в одной семье?» [6, с. 528]. Возможно, всю свою жизнь Георг пытается найти ту сферу, в которой он смог бы ощущать себя так же, как Петер в своей, где он будет «таким же абсолютным властителем, как Петер в своей библиотеке» [6, с. 562]. Можно предположить, что именно в попытке составить Петеру конкуренцию он меняет профессию, после чего пациенты в психиатрической клинике становятся для него «началом его интеллектуальной жизни и источником его самоуважения» [20, S. 181].

Однако, важно учитывать и то обстоятельство, что прежде чем стать психиатром, Георг увлекается изучением выдуманного языка деверя одной своей пациентки. После этого у будущего владельца психиатрической клиники возникает теория о том, что человек на протяжении всей своей истории стремится достигнуть высшего «разряда животного мира» – массы, чтобы в ней раствориться, как будто его никогда вовсе и не существовало [6, с. 508]. Возможно, в своей работе Георг добивается того, чтобы масса в каждом человеке победила. Такой массой Георгу было бы легче управлять, так как, освоив талант перевоплощений, он с легкостью научился подстраиваться под каждого своего пациента и переноситься в их иллюзорный мир. С другой стороны, единственной

заботой Георга Кина после смены сферы деятельности являются, по его словам, попытки «непрестанно терять себя» [6, с. 509], в чем ему помогают его пациенты. Переносясь в их мир, врач действительно на время теряет себя и становится героем их заблуждений и иллюзий.

Характерную для Георга установку на перманентный отказ от собственной идентичности можно сравнить с ощущениями человека в массе, когда никто не является личностью и все друг другу равны. Следовательно, временные потери идентичности Георга могут являться его желанием оказаться членом массы, где он мог бы освободиться от жала приказов или же (в его случае) жала унижений от старшего брата.

Старший брат, несомненно, оказывает влияние на Георга и его попытки найти себя и доказать, что он ничуть не хуже Петера, однако при этом все же нельзя сказать, что Петер является для младшего брата примером с детства, желание подражать которому заставляет Георга немедленно бросить свои дела и отправиться к брату ради своего рода самотерапии (Selbsttherapie) [20, S. 179]. Скорее наоборот, когда Петер попадает в беду и к тому же еще начинает считать себя убийцей своей жены, его младший брат решает воспользоваться этим и вернуть ему привычное пространство, дать возможность вновь спокойно работать, тем самым поместив его под свой контроль с целью в будущем отомстить великому ученому в полной мере. Самотерапией для него стали бы временные посещения брата после одержанной победы, которые продемонстрировали бы ему слабость в прошлом великого ученого и отсутствие у него былого превосходства. Однако Георг не смог предугадать, что «смятение в колонии термитов», «триумф бессмысленного» [6, с. 535] произойдет намного раньше, чем он того ожидал. Целью психиатра было вернуть брата обратно в его библиотеку, засадить за работу и оставить «этого сухаря в его унылой стихии, которую он находит веселой» [6, с. 551].

После отъезда брата Петеру начинают мерещиться пятна крови на ковре, которые он пытается вывести, трупный запах в библиотеке, идущий по лестнице Фишерле, привычные реплики Терезы вроде «доложу я вам», нашествие

полиции, которая хочет его арестовать, а также постоянные намеки на огонь, красный цвет и пожар. И во спасение своей библиотеки, которую, как ему казалось, Георг собирается у него отнять, он решается на поджог себя вместе с ней.

Однажды в диалоге с Георгом Петер говорит о том, что, если бы ему пришлось поменяться с братом местами и ничего уже нельзя было бы сделать, он бы все же нашел спасение: «Я поджег бы твой сумасшедший дом, чтобы он запылал ярким пламенем, вместе со всеми своими обитателями, вместе со мной, а не моя библиотека!» [6, с. 550]. Профессор не мог себе представить, что когда-нибудь он сожжет свои книги, даже мысль об этом «жгла Петера сильнее, чем огонь» [6, с. 550]. Для самого Петера смерть была не так страшна, это лишь «прекращение функций, отрицание, ничто» [6, с. 540], но уничтожение библиотеки, того, что он по-настоящему любил, было немислимо для сиолога.

Несомненно, Петера Кина губит не столько его брат, сколько всё, что с ним произошло до этого. Георг лишь решает воспользоваться временной слабостью брата. Профессора постепенно губит та масса, которую на протяжении всей своей жизни он избегал и всячески отгонял от себя. Как только он впускает в свое пространство кого-то «извне», а именно Терезу, и не только впускает, но и позволяет ей занять это пространство, диктовать в нем свои правила, ученый запускает этот впоследствии бесконтрольный процесс своего уничтожения, которому он не в силах противостоять.

Причиной его нежелания появляться на научных симпозиумах и вступать с какими бы то ни было людьми в контакт является не его презрение к ним и возвышение тем самым самого себя (это лишь самовнушение), а неумение поддержать элементарную коммуникацию, общаться с другими людьми, своего рода асоциальность. «Людьми» для него были только книги и потому он мог коммуницировать исключительно с ними. В отношении остального мира он был ослеплен, не видел его и не хотел видеть. Ведь, когда Тереза начинает заставлять квартиру новой мебелью и устанавливать свои правила, Кин решает закрыть глаза

и использовать слепоту как средство борьбы с Терезой, руководствуясь принципом «чего я не воспринимаю, того не существует» [6, с. 101].

Петер дает себя бить, управлять собой и манипулировать, потому что не знает, как следует себя вести в мире людей. Внезапно оказавшись в нем, он играет по тем правилам, которые ему устанавливают другие, он накапливает «жала» приказов, которые в какой-то момент приводят к взрыву, и масса начинает заполнять все пространство в его доме, она вокруг него (как ему кажется) и в нем самом. Ведь, как утверждает Георг, «бесчисленное множество людей сходит с ума, потому что в них особенно сильна и не находит удовлетворения масса» [6, с. 508]. Петер пытается бороться с массой в самом себе, но она побеждает.

В эссе «Масса и власть» Канетти пишет, что шизофреник, перегруженный жалом от приказов, освобождается от них посредством того, что начинает чувствовать себя находящимся в массе. Ведь человек в массе ощущает себя свободным от приказов, потому что он находится в единении с другими. Однако шизофреник не находит массу вовне и потому предается ей внутри себя [5, S. 372]. Так, и Петер, оставшись наконец наедине с самим собой, не может жить так, как прежде. Георг лишает его той массы, которая могла бы вернуть ему освобождение, решив сделать его одним из пациентов своей клиники. Тогда эта масса начинает сформировываться у профессора в голове, и ему кажется, что она повсюду, поэтому единственным спасением для него является уничтожение самого дорогого – библиотеки.

Огонь в качестве средства уничтожения библиотеки был выбран Канетти не случайно, ведь огонь для писателя, как было выявлено в первой главе, – это непосредственный символ уничтожающей силы массы.

С другой стороны, упоминание Георга о «смятении в колонии термитов» неслучайно. Врач констатирует отсутствие у термитов пола, что является предпосылкой для их совместного существования. Отсутствие пола можно сравнить с отсутствием индивидуальных черт у человека, что позволяет ему быть полноправным членом массы. Внезапное возникновение у термитов признаков пола и любовного влечения друг к другу приводит к взрыву в колонии термитов.

Из этого можно сделать вывод, что возвращение одного из членов массы к процессу его индивидуации и артикулированию собственного Я приведет к его разрушению. Именно это происходит с профессором, когда брат возвращает его к привычному образу жизни. Однако Петер не успевает осознать тот факт, что массы вокруг него уже нет, и не признаёт, что она находится внутри него. Это и приводит к «превращению самого осмысленного в самое бессмысленное» [6, с. 534].

Исходя из вышесказанного, нельзя не согласиться, что Георг Кин является «одной из опаснейших фигур в романе» [73, S. 223]. Он так же, как и Пфафф, Тереза и Фишерле стремится к власти, однако превосходит их в этом стремлении своим огромным потенциалом. В отличие от них, Георг действует более осторожно и тактично, добиваясь своей цели. Однако при этом именно цель Георга до конца не ясна читателям: победить брата и стать более известным, чем он? Или же продолжать развивать свою теорию и «помогать» людям выпускать массу внутри себя, для того чтобы он мог ими управлять? Или же «непрестанно терять себя», утратить свою идентичность и забыться в той самой массе? Для каждой из этих версий в романе предложено достаточно оснований и вместе с тем не дано конкретного ответа на вопрос, что позволяет назвать Георга Кина не только самой опасной фигурой романа, но и самой таинственной, а наличие тайны, как известно, является одним из атрибутов власти. Впрочем, этот факт не дает нам полную свободу отнесения фигуры Георга к абсолютным властителям в романе, так как эта тайна не волнует ни одного из героев романа (но они, тем не менее, выполняют его приказы), а также эта тайна, возможно, является загадочной для самого Георга.

Таким образом, проделанный анализ феномена власти в романе Канетти «Ослепление» позволяет сделать следующий вывод: с одной стороны, власть в романе представлена достаточно полно, с другой стороны, её в романе фактически нет.

Главный герой романа Петер Кин властвует только в своей библиотеке и только над книгами (яркий пример тому – глава «Мобилизация» [6, с. 116], в

которой профессор призывает армию книг бороться с Терезой), что позволяет назвать его власть довольно сомнительной, так как перед остальным миром он оказывается абсолютно бессильным.

Тереза проявляет властные манеры в квартире своего мужа после восьми лет наблюдений за ним, однако экономка не получает того, чего хочет, и теряет свою власть над профессором, как только выгоняет его из дома.

Пфафф способен лишь избивать слабых людей, что и будет в его случае проявлением власти. Впрочем, как известно, власть, основанная на насилии, является недолговечной и довольно хрупкой, что и происходит после того, как жертвы привратника умирают. Для Пфаффа единственная цель – это насилие, которое он будет бездумно направлять на всех тех, кто не сможет ему ответить.

Фишерле оказывается хорошим манипулятором, который смог получить от синополога то, что ему требовалось для осуществления своей мечты, однако глупый поступок в конце второй части романа (а именно: внезапное желание наведаться напоследок к себе домой) приводит его к смерти. К тому же, возникает вопрос: если Фишерле обладал таким потенциалом властителя, почему не смог раньше найти нужного человека для реализации своих планов? И почему он всю жизнь находился под контролем своей жены? Выходит, что талант манипулятора проявился у Фишерле только в отношении слабого и ничего, кроме книг, не принимающего во внимание профессора.

И, наконец, Георга Кина, как уже было сказано, с его возможностью перевоплощений и подбора особого подхода к каждому человеку, несомненно, можно назвать наиболее властной фигурой в романе, однако, с другой стороны, его стремление к потере идентичности и в дальнейшем, возможно, растворению в массе, «как будто человека никогда вовсе и не существовало», не дает нам все же право назвать его фигурой, наделенной властью. Из этого следует, что феномен власти в романе «Ослепление» представлен достаточно амбивалентно: власть в романе одновременно присутствует и отсутствует вовсе.

На мой взгляд, вся суть властных отношений в романе изображена в сцене в полицейском участке [6, с. 369-403]. Представитель закона, полицейский,

человек, бесспорно наделенный властью, оказывается глупой и комичной фигурой, которая постоянно смотрит в зеркало на свой маленький нос, забывает о совершенных им поступках и вследствие этого обвиняет в этом своих подчиненных, абсолютно не умеет слушать и объективно оценивать ситуацию. При этом у него есть тайна (его тайный карман для зеркальца), подчиненные, которые его боятся, а также возможность судить и осуждать людей, чем он открыто и пользуется. На самом деле единственное, чем он владеет, – это подушка с надписью «частная собственность» [6, с. 385], которая всегда должна лежать на его стуле и напоминать подчиненным о его несомненном превосходстве над ними. Само же расположение подушки, надпись и правило, согласно которому на неё следует садиться (надпись должна ложиться параллельно глазам полицейского, пока он садится на подушку, для того чтобы он смог «подкрепиться таким обозначением»), являются квинтэссенцией ослепления властью и отсутствия в связи с этим здравого смысла.

Заключение

Цель диссертационного исследования заключалась в идентификации признаков «массы» и «власти» в художественном произведении Канетти, а также анализе их взаимодействия в романе. Понятия «массы» и «власти» играли ключевую роль в литературной и исследовательской деятельности австрийского писателя, поэтому, как было указано во введении, данные феномены не раз становились в литературоведении объектом особого внимания.

Для достижения поставленной цели были реализованы следующие основные задачи: подобрана и исследована литература, посвященная творчеству Канетти, прежде всего, его роману «Ослепление» и теоретическому труду «Масса и власть», выявлены основные аспекты власти и массы в трактовке самого писателя, которые были соотнесены с теориями известных философов и социологов, также занимающихся данными феноменами, и, наконец, на основе полученной информации был проведен анализ романа «Ослепление», показавший наличие в нём множественных признаков «массы» и «власти».

Проведенное исследование показало, что, несмотря на потенциальное присутствие обоих феноменов в романе, выявление признаков массы представляется наиболее сложным и требующим особого внимания, так как в художественном пространстве романа отражена лишь одна массовая сцена. Данная сцена позволяет сделать определенные выводы, характеризующие массу, а именно: отсутствие страха прикосновения, постепенное исчезновение

социальных различий между членами массы, нацеленность всех участников массового собрания на выбранную ими жертву, постоянное желание привлечения новых участников и т.д. Однако анализ единственной массовой сцены, где данный феномен выражен наиболее ярко и вполне традиционно, не дает нам права говорить о безусловной значимости феномена «массы» для всего романа в целом. Именно изображение в романе массы в прямом и переносном смысле представляет собой момент, в наибольшей мере соотносимый с эссе Канетти «Масса и власть», в котором он высказывает ранее не звучавшую мысль о природных символах массы. Данное утверждение позволяет обнаружить чрезвычайно важные для самого писателя признаки массы, которые находят проявление в противостоянии воды (море, дождь, капли) и огня. Помимо прямых упоминаний огня и воды, встречающихся в романе многократно, на это противостояние указывает также цветовая символика. Красный или рыжий (огонь) и синий (вода) – это две массы, персонифицированные в образах Бенедикта Пфаффа и Терезы Крумбхольц соответственно, с двух сторон оказывающие влияние на Петера Кина.

Огонь является наиболее релевантным символом массы в романе. Представленная в романе разрушительная сила огня (рассказ главного героя о сожжении книг в Китае, история Жана Преваля, аутодафе сиолога и т.д.) вполне соотносится со сравнением Канетти явлений массы и огня: скорости и необратимости их распространения, невозможности прекращения их воздействия и, наконец, при всей опасности, исходящей от обоих феноменов, силе притяжения, которая заставляет людей идти вслед за массой или по направлению к огню. В последней сцене романа (самосожжение главного героя) огонь и масса соединяются в единое целое, поскольку постоянные попытки Петера Кина уйти от массы и закрыться в своей библиотеке приводят его к осознанию неизбежности массы вокруг и внутри него. Аутодафе профессора, с одной стороны, представляет собой попытку уничтожения массы, окружившей его, однако, с другой стороны, в то же время это привлечение и учреждение новых

масс. Тем самым в романе «Ослепление» утверждается невозможность противостояния массе.

Кроме того, смерть некоторых героев, в том числе и Петера Кина, можно считать включением в ряды невидимой массы, к которой, по мнению Канетти, рано или поздно примыкают все члены видимой массы. Карлик Фишерле был отшельником, тщетно пытавшимся добраться до своей массы, Анне Пфафф и её матери на протяжении всей жизни приходилось терпеть побои, одиночество и замкнутость, поэтому смерть для них стала своего рода избавлением и доступом к той массе, к которой им не суждено было присоединиться при жизни.

Некоторые герои романа «Ослепление» являются не только яркими представителями массы, вобравшими в себя основные признаки «своей» массы, но, помимо этого, также и носителями власти. Практически каждый из героев романа стремится поставить себя выше массы и подчеркнуть свою исключительность посредством применения власти. Бенедикт Пфафф и Тереза Крумбхольц, являясь сторонниками насилия, демонстрируют краткосрочную и ненадежную власть, так как основанная на насилии она не может продлиться долго. Тереза применяет насилие в том случае, когда никакие уловки и намеки на получение наследства мужа не приводят к желаемому результату, для Пфаффа же избиение стало неотъемлемой частью жизни. Таким образом, для экономки насилие – это одно из средств осуществления власти с целью получения денег профессора, для привратника насилие есть цель его существования и залог обладания властью.

Карлик Фишерле и Георг Кин используют иные инструменты власти для получения желаемого. Не прибегая к насилию, они стремятся выявить интересы, желания или переживания своего врага и завладеть его доверием. Однако Фишерле, как уже было сказано, сам является отщепенцем «своей» массы, а, значит, в одинаковой степени может представлять собой как ведущего, так и ведомого. Роль ведущего, к примеру, удавалась ему при общении с профессором, а в отношениях со своей женой Карлик скорее выступает подневольным человеком, находясь в материальной зависимости от жены. В свою очередь,

Георга Кина можно было бы назвать полноценным властителем, если бы не его признание в непрерывных попытках терять себя в работе со своими больными, каждый из которых представляет собой не нашедшую выхода массу. Тем самым Георг подчеркивает и своё стремление в растворении в массе посредством общения с пациентами. Разница лишь в том, что в отличие от остальных героев романа Георг смог найти ту сферу, где он получил возможность раствориться в массе и при этом оставаться властным над собой и своими подопечными.

В целом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Отношения массы и власти в романе «Ослепление» неразрывно связаны между собой. Там, где возникает масса, непременно через некоторое время появится власть, способная либо управлять ею, либо прекратить её существование. Там же, где имеется властное начало, несомненно, уже присутствует масса, на которую направлена эта власть. Роман «Ослепление» демонстрирует проявление взаимоотношений массы и власти на бытовом уровне, то есть в таких ситуациях, где речь идет не о политических или военных деятелях и их подчиненных и даже не о таких социальных институтах, как школа или семья. В романе выступают не приближенные к реальности, гиперболизированные образы, которые в то же время захватывают внимание читателя гротескностью своих черт и, при всей своей абсурдности, – претензией на подлинность происходящего вокруг. Неприятные, отталкивающие образы, каждый из которых воплощает пороки и безумства целой толпы, намекают на неприметное присутствие атрибутов власти и признаков массы на любом уровне межличностных отношений. Таким образом, проведенное исследование помогло идентифицировать присутствие и взаимодействие обоих феноменов в романе, однако, кроме этого, в тексте имеется множество отсылок к другим произведениям и культурам, рассмотрение которых поможет намного глубже изучить данную проблему. Так, исследование восточных мотивов в романе «Ослепление», влияния китайской культуры на мировоззрение писателя, а также гендерного распределения властных полномочий среди героев произведения

могло бы позволить в будущем еще глубже интерпретировать роль феноменов массы и власти в жизни и творчестве австрийского писателя и драматурга.

Список использованной литературы

1. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte 1931-1937. – München, Wien: Hanser, 1985. – 308 S.
2. Canetti E. Die Blendung. – Frankfurt/Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1983. – 512 S.
3. Canetti E. Die Fackel im Ohr: Lebensgeschichte, 1921-1931. – München, Wien: Hanser, 1983. – 410 S.
4. Canetti E. Die gerettete Zunge: Geschichte einer Jugend [Erinnerungen]. – München, Wien: Hanser, 1977. – 374 S.
5. Canetti E. Masse und Macht. – Neuausg. – Hildesheim: Claassen, 1992. – 574 S.
6. Канетти Э. Ослепление (пер. С. Агта). – СПб.: Симпозиум, 2000. – 597 с.
7. Канетти Э. Масса и власть (пер. Л. Г. Ионина). – М.: Астрель, 2012. – 574 с.
8. Altvater Ch. Die moralische Quadratur des Zirkels. Zur Problematik der Macht in Elias Canettis Aphorismensammlung «Die Provinz des Menschen». – Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag, 1990. – 326 S.
9. Angelova P. Elias Canetti als Biograph der Massen und der Macht // Pattillo-Hess J.D., Smole M.R. (Hg.). Elias Canetti. Chronist der Massen, Enthüller der Macht. – Wien: Löcker Verlag, 2006. – S. 76-82.
10. Angelova P. Die Massen und die Geschichte / P. Angelova (Hg.). – St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 1998. – 282 S.

11. Anter A. (Hg.) Theorien der Macht zur Einführung. – Hamburg: Junius Verlag, 2012. – 176 S.
12. Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben. – München: Piper Verlag, 1960. – 375 S.
13. Barnouw D. Elias Canetti. – Stuttgart: Metzler, 1979. – 138 S.
14. Bartsch U. Experte der Macht: Elias Canetti/ U. Bartsch, G. Melzer. (Hg.) – Graz: Droschl Verlag, 1985. – 162 S.
15. Barth M. Canetti versus Canetti. Identität, Macht und Masse im literarischen Werk Elias Canettis. – Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag, 1994 – 121 S.
16. Bischoff A.M. Elias Canetti Stationen zum Werk. – Bern, Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag, 1973. – 180 S.
17. Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. Über geschichtliches Studium. – München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1978. – 221 S.
18. Busch G. Der Roman des großen Erschreckens. «Die Blendung» // Herbert G. Göpfert (Hg.). Canetti lesen. Erfahrungen mit seinen Büchern. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1975. – S. 31-34.
19. Bürger-Koftis M. Formen des Grotesken in der österreichischen Literatur von Nestroy bis Schwab // Belobratow A.W. Österreichische Literatur gestern und heute. – St. Petersburg: Peterburg XXI Vek, 2013. – S. 68-85.
20. Chang Yau-Chin. Minderwertigkeitsgefühl und Machtstreben der Brüder Kien in Canettis «Die Blendung». – Aachen: Shaker Verlag, 2005. – 207 S.
21. D'Angelo M. Elias Canetti. Sein dichterisches Selbstverständnis in Konfrontation zu Friedrich Nietzsche. – München: Herbert Utz Verlag, 2005. – 193 S.
22. Dissinger D. Erster Versuch einer Rezeptionsgeschichte Canettis am Beispiel seiner Werke «Die Blendung» und «Masse und Macht» // Herbert G. Göpfert (Hg.). Canetti lesen. Erfahrungen mit seinen Büchern. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1975. – S. 90-105
23. Dissinger D. Der Roman «Die Blendung». // Heinz L. A. (Hg.). Elias Canetti. Text + Kritik 28. – München: Richard Boorberg Verlag, 1973. – S. 30-38.

24. Dissinger D. Vereinzelung und Massenwahn. Elias Canettis Roman «Die Blendung». – Bonn: Bouvier Verlag, 1971. – 238 S.
25. DUDEN. – URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Masse> (дата обращения: 27.01.2016).
26. Fedjaewa T.A. Masse und Karneval: Elias Canetti und Michail Bachtin // Belobratow A.W. (Hg.). Österreichische Literatur: Moderne und Gegenwart.– St. Petersburg: Peterburg. XXI Vek, 2005. – Bd. 6. – S. 223-231.
27. Fetscher I. (Hg.). Thomas Hobbes Leviathan oder Stoff, Form und Gewalt eines kirchlichen und bürgerlichen Staates. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1984. – 648 S.
28. Fischer E. Hauptwerke der österreichischen Literatur. Einzeldarstellungen und Interpretationen: Elias Canetti «Die Blendung». – München: Kindler Verlag, 1997. – S. 492-494.
29. Foucault M. Analytik der Macht (hg. von Defert D. und Ewald F.). – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 2005. – 349 S.
30. Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. – 408 S.
31. Freud S. Jenseits des Lustprinzips // Uexküll T., Grubrich-Simitis I. (Hg.) Sigmund Freud. Psychologie des Unbewußten. – Bd. 3. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982. – S. 217-272.
32. Freud S. Massenpsychologie und Ich-Analyse // Gesammelte Werke. – Bd. 13. – London: Imago Publishing Co., Ltd., 1940. – 48 S.
33. Goebel E. Gleichgewichtsstörung. Elias Canettis «Die Blendung»: ein Puppenspiel // Herbert G. Göpfert (Hg.). Canetti lesen. Erfahrungen mit seinen Büchern. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1975. – S. 44-53.
34. Hinck W. (Hg.). Selbstannäherungen: Autobiographien im 20. Jahrhundert von Elias Canetti bis Marcel Reich-Ranicki. – Düsseldorf, Zürich: Artemis & Winkler, 2004. – 200 S.
35. Kaszynski S.H. (Hg.). Die Lesbarkeit der Welt: Elias Canettis Anthropologie und Poetik. – Poznań: UAM, 1984. – 209 S.

36. Knoll H. Das System Canetti. Zur Rekonstruktion eines Wirklichkeitsentwurfes. – Stuttgart: M und P, Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1993. – 259 S.
37. Kracauer S. Das Ornament der Masse. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1971. – 371 S.
38. Krüger M. Hüter der Verwandlung, Beiträge zum Werk Elias Canettis. – München: Carl Hanser Verlag, 1985. – 303 S.
39. Liesmann K.P. Die Antiquiertheit der Massen // Pattilo-Hess J.D., Smole M.R. (Hg.). Elias Canetti. Chronist der Massen, Enthüller der Macht. – Wien: Löcker Verlag, 2006. – S. 18-26.
40. Luhmann N. Gesellschaftliche Grundlagen der Macht: Steigerung und Verteilung // Soziologische Aufklärung 4. – 3. Aufl. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – S. 117-125.
41. McDougall W. The group mind. The group mind: a sketch of the principles of collective psychology with some attempt to apply them to the interpretation of national life and character. – The University Press, Cambridge, 1920. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/40826/40826-h/40826-h.htm> (дата обращения: 04.02.2016).
42. Meidl E.M. Soziale Kritik im Werk Elias Canettis. Studien zum Begriff des «Verwandlungsverbotes». – Bd. 14. – Frankfurt/Main: Peter Lang Verlag, 1994. – 217 S.
43. Meili B. Erinnerungen und Vision: Der lebensgeschichtliche Hintergrund von Elias Canettis Roman «Die Blendung». – Bonn: Bouvier (Grundmann), 1985. – 201 S.
44. Nährlich-Slateva E. Das Meer und seine Tropfen – Masse, Individuum und Geschichte in Canettis Roman «Die Blendung» // Angelova P. Die Massen und die Geschichte: internationales Symposium, Russe, Oktober 1995. – St.Ingbert: Röhrig, 1998. – S. 115-139.
45. Neumann G. Vom Lesen der Bilder. Canettis imaginäre Lektüren zwischen Blendung und Vision // G. Neumann (Hg). Canetti als Leser. – Freiburg im Breisgau, 1996. – 209 S.

46. Nietzsche F. Der Wille zur Macht.– Leipzig: Alfred Kröner Verlag, 1996. – 752 S.
47. Ning Wu. Canetti und China. Quellen, Materialien, Darstellung und Interpretation. – Stuttgart: Hans-Dieter Heinz Verlag, 2000. – 200 S.
48. Ortega y Gasset J. Der Aufstand der Massen. – Stuttgart Berlin: Deutsche Verl.-Anstalt. – S. 209.
49. Paal J. Die Figurenkonstellation in Elias Canettis Roman «Die Blendung». – Würzburg: Königshausen und Neumann, 1991. – 118 S.
50. Papiór J. Die Konstanz «der rasenden Elektronen». Zu Elias Canettis Anthropologie literarischer Figuren // Kaszýnski S.H. (Hg.). Elias Canettis Anthropologie und Poetik. Poznan, 1984. – S. 69-86.
51. Pattillo-Hess J. (Hg.) Canettis Masse und Macht oder die Aufgabe des gegenwärtigen Denkens. – Wien: Österreichischer Bundesverlag Gesellschaft, 1988. – 156 S.
52. Pattillo-Hess J. (Hg.) Der Stachel des Befehls. IV. Canetti Symposion. – Wien: Löcker Verlag, 1992. – 124 S.
53. Pattillo-Hess J. (Hg.) Tod und Verwandlung in Canettis «Masse und Macht». – Wien: Löcker Verlag, 1990. – 162 S.
54. Pawlowa N. Elias Canetti: Die Blendung // Belobratow A.W. (Hg.). Österreichische Literatur: Moderne und Gegenwart.– St. Petersburg: Peterburg. XXI Vek, 2005. – Bd. 6. – S. 200-222.
55. Petersen C. Köpfe des 20. Jahrhunderts. Elias Canetti. – Berlin: Colloquium Verlag, 1990. – 96 S.
56. Piel E. Elias Canetti. Autorenbücher. – München: Beck, 1984. – 193 S.
57. Popitz H. Phänomene der Macht. – 2. Aufl. – Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag, 1992. – 279 S.
58. Riedner N. Canettis Fischerle. Eine Figur zwischen Masse, Macht und Blendung. – Würzburg: Königshausen und Neumann Verlag, 1994. – 174 S.
59. Roberts D. Kopf und Welt: Elias Canettis Roman «Die Blendung». – München: Carl Hanser Verlag, 1975. – 216 S.

60. Rohrbacher S. Judenbilder. Kulturgeschichte antijüdischer Mythen und antisemitischer Vorurteile. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1991. – 491 S.
61. Ruppel U. Der Tod und Canetti. Essay. – Europäische Verlagsanstalt, Hamburg, 1995. – 175 S.
62. Schastina J. Elias Canetti: Die englischen Jahre // Belobratow A.W. (Hg.). Österreichische Literatur: Moderne und Gegenwart.– St. Petersburg: Peterburg. XXI Vek, 2005. – Bd. 6. – S. 232-239.
63. Schlechta K. (Hg.) Friedrich Nietzsche. Werke in drei Bänden. – München: Carl Hanser Verlag, 1982. – 4032 S.
64. Sieg Ch. The ordinary in the novel of German modernism. – Bielefeld: Aisthesis, 2011. – S. 131-172.
65. Simmel G. Soziologie // Rammstedt O. (Hg.) Georg Simmel. Gesamtausgabe. – Bd. 11. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. – 1051 S.
66. Spranger E. Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. – Halle: Niemeyer Verlag, 1925. – 450 S.
67. Stieg G. Canetti und Nietzsche // Mark H. Gelber (Hg.). Von Franzos zu Canetti. Jüdische Autoren aus Österreich. Neue Studie. – Tübingen: Niemeyer, 1996. – S. 345-357.
68. Stieg G. Ein Dichter braucht Ahnen. Elias Canetti und die europäische Tradition/ G. Stieg, J-M. Valentin (Hg.). Jahrbuch für Internationale Germanistik. – Bern: Peter Lang Verlag, 1995. – Bd. 4. – 315 S.
69. Stieg G. Elias Canetti: «Blendung» als Lebensform. – Königstein/Ts.: Athenäum, 1985. – 177 S.
70. Stieg G. Frucht des Feuers. Canetti, Doderer, Kraus und der Justizpalastbrand. – Wien: Falter Verlag, 2011. – 237 S.
71. Stewart W.E. The Role of the Crowd in Elias Canetti's Novel «Die Blendung». – Manchester, 1968. – 201 S.
72. Strelka J.P. Ist Wahrheit ein Meer von Grashalmen? Zum Werk Elias Canettis/ J.P. Strelka, S. Zsuzsa (Hg.). – Bern: Peter Lang Verlag, 1993. – Bd. 9. – 160 S.

73. Strucken S. Masse und Macht im fiktionalen Werk von Elias Canetti. – Essen: Klartext Verlag, 2007. – 290 S.
74. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft // Winckelmann J. (Hg.) Max Weber: Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. – 5. Aufl. – Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag, 1985. – 948 S.
75. Widdig B. Männerbünde und Massen: Zur Krise Männlicher Identität in der Literatur der Moderne. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. – 257 S.
76. Winkler M. Autobiographie – eine Form der Rückkehr aus dem Exil? Am Beispiel Broch, Sperber und Canetti // Holzner J. Eine schwierige Heimkehr. Österreichische Literatur im Exil 1938-1945. – Institut für Germanistik, Innsbruck, 1991. – S. 65-74.
77. Zepp K-P. Privatmythos und Wahn. Das mythopoetische Konzept im Werk Elias Canettis. – Frankfurt/M.: Peter Lang Verlag, 1990. – 256 S.
78. Бартш К. «Отдайся во власть воспоминаний». К проблеме воспоминания у Элиаса Канетти // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 60-67.
79. Белобратов А.В. Этика и поэтика романа Элиаса Канетти «Ослепление» в контексте идей и форм времени // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 50-59.
80. Ионин Л.Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 3-14.
81. Каралашвили Р. Канетти Элиас. Человек нашего времени // Комментарии. – М.: Прогресс, 1990. – 457 с.
82. Конт О. Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1966. – С. 7-94.
83. Лебон Г. Психология народов и масс / Пер. с франц. А. Фридмана и Э. Пименовой. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
84. Найдорф М. Очерки современной массовой культуры. – Одесса: ВМВ, 2013. – URL: <https://sites.google.com/site/marknaydorftexts/mass-culture> (дата обращения: 27.01.2016)

85. Павлова Н.С. Элиас Канетти // В.Д. Седельник, А.В. Белобратов. История австрийской литературы XX века. Том II. 1945-2000. – М.: ИМЛИ, 2010. – С. 123-152.
86. Павлова Н.С. Масса в персонажах романа Элиаса Канетти «Ослепление» // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 44-49.
87. Патилло-Хесс Д.Д. Неизбежная «двойная масса». Размышления на основе феноменологии войны Элиаса Канетти // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 38-43.
88. Радаева Э.А. Творчество Э. Канетти: проблематика и жанрово-стилистическое своеобразие: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.03 / [Самар. гос. пед. ун-т]. – Самара, 2005. – 20 с.
89. Толковый словарь Ожегова. – URL : <http://www.ozhegov.com/words/15358.shtml> (дата обращения: 27.01.2016)
90. Федяева Т.А. Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа. – СПб.: Союз писателей России, 2013. – 284 с.
91. Федяева Т.А. Творчество Элиаса Канетти – романиста и драматурга: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.05 / ЛГУ. – Л., 1990. – 21 с.
92. Филиппов А.Ф. Пространство власти и конструкция массы: Канетти и политическая социология // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 30-37.
93. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
94. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса. – М.: ПРАКСИС, 2002. – 384 с.
95. Шастина Е.М. «Китайский дискурс» Элиаса Канетти. // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. – Москва-Нальчик, 2008. – Спец. вып. 2. – С. 159-168.
96. Шастина Е.М. Модели анализа художественного текста (на материале романа Э. Канетти «Ослепление») // Современные тенденции в преподавании

иностранных языков: материалы Всероссийской научно-практической конференции – Набережные Челны: НФ НГЛУ, 2003. – С. 264-268.

97. Шастина Е.М. «Реализм» или новая действительность в романе Элиаса Канетти «Ослепление» // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы 1-ой Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии»: в 2 т. – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. – Т. 2. – С. 243-247.
98. Шастина Е.М. Творчество Элиаса Канетти: проблемы поэтики: автореф. дис. д.филол.н.: 10.01.03 / [Казан. гос. ун-т]. – Казань, 2004. – 41 с.
99. Ясперс К. Власть массы // К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 10-176.